

Ущелье

Автор:

Маргарита Епатко

Ущелье

Маргарита Епатко

Где захоронен легендарный меч? Отчего оборотни боятся переходить реку? К чему может привести поход в горы к развалинам старого храма?

Собираясь сменить суматошную городскую жизнь на отдых в горном отеле, семья скульптора Петра не собиралась искать ответы на все эти вопросы. Но кого интересует, чего хотят люди, выбравшие для отпуска не то место и не то время.

Маргарита Епатко

Ущелье

Глава 1

Пять лет назад

Бульдозер, урча, отваливал стволы, освобождая просеку от срубленного леса.

– Эй, кончай работать, – замахал водителю Колька. – Глянь, все уже на обед ушли. Одни мы с тобой надрываемся.

– Чего бы им не уйти, – перекрикивая рев мотора, ответил шофер. – Они туточки в поселке живут. А нам до дому два часа ходу. Я лучше без обеда, да раньше свалю.

Мужчина крутанул руль. Деревья, цепляясь ветками, поползли под напором железной махины в сторону. Потом во что-то уперлись.

– Там, кажись, камень, – запоздало крикнул напарник.

Но машина упрямо давила на дерево. Скорбный высокий звук разнесся над лесом. словно лопнула живая струна. Водитель дернул за рычаг, останавливая бульдозер.

– Напоролся на что-то? – настороженно уточнил он у напарника.

Тишина наступила в лесу без рева мотора. Полуденное солнце нещадно палило, делая тени вокруг пугающе контрастными.

– Говорил, не торопись, – буркнул Колька. – Похоже, в камень втемяшился. Машину угробишь, не то что заработаем, последние штаны снимут.

– Да ладно пугать, – успокоившийся шофер обходил бульдозер. – Нормально все. Может железка какая в земле торчала, да за нее деревья и цепанули? Раз остановился, давай пообедаем?

– Вот это дело, – повеселел Колька.

Он вытащил из кустов пакет. В двух литровых банках плескался борщ. В третьей домашнее вафельное полотенце грело теплом заботливо укутанную вареную картошку.

– Молодец, маманя, – доставая буханку, сказал шофер. – А ты, братан, вечный паникер. И чего разорался? Лишь бы напугать.

– Это разве пугать, – хмыкнул с набитым ртом Колька. – Я вот у Сереги видюху смотрел. Там по-настоящему пугалово. Живые деревья, прикинь. Они всех в лесу ловили и жрали. Хотел бы я такое вживую увидеть, – парень довольно хрюкнул,

радуясь собственной шутке, и закашлялся, подавившись то ли борщом, то ли хлебом.

– Галиматью всякую смотришь, – покачал головой собеседник и невольно поежился.

Со стороны горы полз густой туман, затягивая непрозрачной пеленой широкую просеку, ведущую напрямик к поселку.

– Что за хрень, – шофер встал, отряхивая крошки с комбинезона. – Вроде не осень, чтоб так туманить. Эй, чего молчишь? – он повернулся к брату.

Задушенный Колька смотрел на него выпученными глазами. Ветки срубленных деревьев обвили его тело живыми щупальцами, высасывая из тела парня остатки жизни.

– Твою мать, – шофер бросился к бульдозеру, заводя мотор.

Он успел развернуть машину, глядя, как в мареве тумана шевелятся живые деревья. Бульдозер пополз по просеке вниз, ковшем перерубая, подбирающиеся к нему корни.

– Чур меня чур, – прошептал мужик, выжимая из медлительной машины максимум скорости. Он почти выехал к поселку, когда упругие ветки швырнули под ковш то, что осталось от брата.

– Нет! – выкрикнул шофер, нажимая на тормоз.

Но тяжелый механизм по инерции проехал вперед, вдавливая в землю, переданное деревьями по эстафете тело. Еще немного и бульдозер застыл в нерешительности.

– Помогите! – закричал водитель.

Он видел, что до спасительной усадьбы, располагавшейся недалеко от леса, оставалось не больше ста метров. Дрожащими руками попытался завести мотор. И тут громадный столетний дуб, вытягивая из земли длинные корни,

неторопливо вышел на просеку, перегораживая дорогу.

– Мама дорогая, – охнул мужчина.

Узловатые сучья деревьев, приготовившие ловушку, довольно застучали. Исполины по краям просеки склонились над бульдозером, пеленая ветвями жертву.

Наше время

– Да прямехонько езжайте, – благообразная старушка в платочке на седые волосы махнула рукой, указывая Петру направление.

– И далеко еще? – мужчина задумчиво посмотрел на дорогу, послушно повторяющую изгибы горы.

– Метров двести. Там увидите, за поворотом, – кивнула бабушка, торопящаяся по делам. Хотя куда можно было спешить в этой глуши?

Петр пробормотал слова благодарности и повернул ключ зажигания.

– Ну, что узнал? – Кора на секунду прервала разговор по сотовому и, не дожидаясь ответа, резко бросила в трубку: – Ни в коем случае. Это неприемлемые условия для договора.

– Па, мы скоро приедем? – высунулся с заднего сиденья Димка – Я устал.

– Скоро, – ответил Петр, плавно трогаясь с места, и тут же надавил на тормоз.

Шаром скатившаяся с горы собака бросилась под колеса, остервенело лая на джип.

– Джек? – ошарашено произнес Петр, не веря своим глазам. – Джек, малыш, – он распахнул дверцу и вышел на дорогу.

Пес кинулся к нему, радостно виляя хвостом. Ткнулся мокрым носом в ладонь и, сев рядом, заскулил в нетерпении, ожидая обычного лакомства.

– Джек, хороший мой, – Петр почесал собаку за ухом.

И тут овчарка, оскалив зубы, прыгнула с обочины на дорогу. Петр обернулся. Старушка метрах в десяти позади джипа, расставив руки и выпучив глаза, целенаправленно двигалась в сторону машины. Платок съехал с седых волос, заставив их беспомощно развеиваться на ветру. Непонятно, что нашло на женщину, но вряд ли ей двигали добрые чувства к туристам.

– Джек, фу! Ко мне! – закричал Петр, понимая намерения собаки.

Но было поздно. Овчарка врезалась в старушку. Бабулька неожиданно промялась внутрь как кусок ваты, пропуская через себя пса.

– Что здесь происходит? – Кора, услышавшая крик, вылезла из машины, озадаченно глядя на Петра.

– Там Джек, – Петр посмотрел в сторону, где только что стояла пожилая женщина.

Никого не было. Ни бабки, ни собаки. Лишь клочья тумана белесой паутиной ползли к обочине.

– Джек, это овчарка, которая была у тебя в детстве? – Кора вопросительно подняла безукоризненно выщипанную бровь. Макияж и прическу не разрушило трехчасовое плутание по сельским дорогам. Жена как всегда была подтянута и свежа.

– Я была права, – кивнула она, – нам всем не помешает небольшой отдых.

– Я женился на идеальной женщине, – обреченно подумал Петр. – Идеальной до отвращения, – он тяжело вздохнул и произнес. – Видимо, показалось. Пойду, посмотрю, что за поворотом.

Он с силой хлопнул дверцей ни в чем не повинного джипа и, широко шагая, прошел оставшиеся до поворота метры. Сразу за кустами, некстати растопырившими колючие ветки, на трех кособоких прутах болтался облупленный знак, запрещающий проезд. За ним виднелась ровно половина дороги. Потому что вторая половина, снесенная оползнем, давно покоилась на дне пропасти. Петр сглотнул слюну, представляя, что произошло бы, послушайся он совета исчезнувшей бабки и вернулся к машине.

– Опять тупик? – спокойно поинтересовалась Кора, продолжая кому-то давать нагоняй по мобиле.

– Ага, – мотнул головой Петр, постепенно приходя в себя.

– Может хватить уповать на помощь бабушек? Есть, в конце концов, такое изобретение как карта. – жена открыла бардачок, доставая цветную книжку. – Нет, – жестко произнесла она в трубку. – Я не собираюсь идти на уступки.

– Идеальные женщины всегда точно знают, что нужно делать, – подумал Петр, беря карту.

– Хватит паниковать! – глава поселкового совета опустил тяжелую ладонь на полированную поверхность стола. Пятеро мужиков, сидящих перед ним, вздрогнули от легкого хлопка, как от удара. – У нас еще три дня.

– Отпустил бы ты людей из поселка, Степаныч, – седой мужчина поднял слезящиеся глаза на говорившего. – Уедем все отсюда на недельку. Глядишь и пронесет.

– А если она узнает? – грузный человек в промасленном комбинезоне возмущенно встал с места. – Что, опять на кого бог пошлет? Я не согласен. Давайте кидать жребий.

Мужчины в кабинете возмущенно зароптали.

– Это несправедливо, – выкрикнул один из них. – Тебя везунчика жребий, который раз обходит. А у меня в семье уже две пропажи.

– Не хрен было нахлебников плодить, – отвязался тип в комбинезоне, – Может она так о тебе заботу проявляет.

– Ах ты, сволочь... – оскорбленный мужчина кинулся через стол на обидчика с кулаками.

Остальные стали их разнимать.

– Не помешал? – в кабинет вошел человек разительно отличающийся от собравшихся. Дорогой костюм. Начищенные до блеска туфли. Яркий галстук кровавым пятном алел на белоснежной сорочке.

– А вот и наш бизнесмен, – протянул глава администрации. – Что скажешь?

– Знал бы, какой здесь гадюшник, никогда бы не построил в поселке отель, – он бесцеремонно сплюнул на пол, обводя презрительным взглядом присутствующих. – Я смотрю, дискуссия в самом разгаре.

– А ты зря выпендриваешься, – мужик в комбинезоне отпустил жертву и повернулся к бизнесмену. – Тебя из поселка тоже не выпустят. Степаныч отдал приказ участковому. Дорога-то перекрыта.

– А зачем мне куда-то ехать? – как капризная девица повел плечами бизнесмен. – Я гостей жду.

– Да иди ты?! – выпалил глава администрации. – То есть я хотел сказать, присаживайтесь Марк Андреевич. И вы все сели! – гаркнул он на мужиков.

– Так вот, – бизнесмен спокойно опустился на стул, мгновенно оккупировав большую часть стола. Мужчины беспрекословно подвинулись. – Как вы знаете, все заказы на эту неделю без объяснений были аннулированы, то есть отменены.

– Как обычно, – вздохнул глава.

– Чуют сволочи, – добавил тип в комбинезоне.

– Вчера вечером мне поступил заказ на люкс. На трех человек. Семья. Как раз на три дня, начиная с сегодняшнего. Утром перезвонили, что выезжают. По моим подсчетам, не более чем через час, туристы будут на месте.

– Дорогой ты наш, – кинулся к нему Степаныч, – да я для тебя все сделаю.

– Мне не нужно все, – Марк Андреевич поднялся со стула, стряхивая с плеча руку главы. – Мне необходимо то, что цивилизованные люди называют благоприятными условиями для развития бизнеса.

– Хочешь, чтоб бабы не ругались, когда твои богатеи с голыми девками в заповедном ущелье купаются? – усмехнулся один из мужиков.

– И это тоже, – холодно улыбнулся бизнесмен.

– Приструню, – кивнул Степаныч. – Так где, говоришь, они поселятся? В каком люксе?

– Ага, щас, – внезапно огрызнулся владелец отеля. – Так я вам и дам номера с евроремонтом уродовать. Я сказал, что все выкуплено заранее. Они согласили на домик в старой части приюта. Ближе к ущелью. И если уж мы говорим о благодарности, неплохо бы оплатить их трехдневное проживание. А то постояльцы сами могут и не успеть.

– Оплатим, – кивнул глава.

– Запасные, – Марк Андреевич швырнул на стол ключи от домика. – И еще. Мое дело сторона. Я больше ничего об этом не знаю, – и он вышел из кабинета.

– С дитем едут. Грех-то какой, – седой мужчина со слезящимися глазами схватился за голову.

– Хватит ныть, – рявкнул тип в комбинезоне. – Распределяемся: кто и что будет делать.

1840-й год. Черноморская линия обороны. Крепость Усть-Лабинская

– Грицко! – писарь, подволакивая ногу, пересекал двор крепости, заранее зная, где найдет казака. Опять у оружейных складов силу показывает, кабан здоровый. – Грицко, к атаману! – заорал он, надеясь, что не придется далеко идти.

– Чего надрываешься, Антипка? – раздался смешок у него за спиной. Сзади, покручивая ус, стоял помощник атамана Никола.

– Я тебе не Антипка, а атаманов писарь, – худой мужичок гордо выпрямился. – Тебя атаман тоже кличет. Бери своего друга и к нему, – он развернулся и поковылял к главной хате.

Никола завернул за угол и увидел ожидаемую картину. Человек пять казаков гроздью висели на плечах загорелого раздетого по пояс гиганта, пытаются свалить его на землю.

– Девяносто семь, девяносто восемь, – считал седой казак, примостившийся рядом на мешке с овсом, – девяносто девять, сто. Усе.

– Что значит, усе? – возмутился безусый еще парубок, изо всех сил стремящийся опустить поднятую руку Грицко.

– Усе, дальше счету не знаю, – пояснил казак.

– Андрюха, хватит бузить, атаман зовет, – крикнул Никола.

Грицко поднял руки выше, и казаки посыпались на землю.

– Я спор выиграл, – весело сказал он, одевая аккуратно сложенную рядом рубаху.

– Выиграл, – подтвердил седой казак.

Ворча, мужики скинулись по мелкой монете и всунули проигрыш в большую ладонь Грицко.

– Опять подарок? – Никола внимательно посмотрел на ворот новой рубахи, заботливо украшенный вышивкой.

– А я че, я ниче. Они ж сами дарют, – улыбаясь, сказал Грицко, подпоясываясь кушаком и пристегивая саблю.

Разрумянившаяся дивчина наблюдала за ними из-за угла склада.

– Доказакуешься, дубина. Це-ж попова дочка. А как жениться заставят? – наклонившись к нему, произнес Никола.

– Да ну? – не поверил Грицко.

Печать тягостных раздумий легла на широкое добродушное лицо. Подсказанная Николой мысль всерьез зацепила казака. Он машинально пошел за другом, хмуря брови.

В чисто выбеленной хате было прохладно и сумрачно. Задернутые на окнах коротенькие занавески говорили о важности происходящего.

– Пожаловали, голубчики, – грозно встретил их атаман. – За вами, как за смертью посылать. А у нас дело государственной важности. Вот, полковник из самой столицы пожаловал, – он показал на человека в военной форме, сидящего от него за столом по правую руку.

Русоволосый немолодой мужчина с усталым, но чисто выбритым лицом, махнул рукой. – Давайте без церемоний. Присаживайтесь, братцы.

– Видать дело табак, – подумал Никола. – Когда высокий чин братцем величает, быть беде.

– У меня для вас задание государево, – без предисловий начал генерал. – Надо одну вещь в определенное место доставить. Отряд должен быть небольшой, неприметный, человека три. А место это здесь, – он ткнул пальцем в положенную перед казаками карту.

– Это ж у черкесов, – покачал головой помощник атамана.

– Я слышан о храбрости линейцев. Атаман сказал, вы лучшие, – высокопарно произнес столичный чин.

– Ты мне зубы храбростью не заговаривай. Объясняй, в чем дело. Я вольный казак, хоть и служивый. А ты тут развел: поди туда, не знаю куда, отвези то, не знаю что.

– Никола, ты очумел? – цыкнул на него атаман. – Понимаешь, с кем разговариваешь?

Молчаливо сидящий рядом Грицко шумно вздохнул и задумчиво потер подбородок.

– Он прав, – неожиданно спокойно ответил полковник и тяжело поднялся из-за стола.

Казачи увидели, что правая нога мужчины забинтована от лодыжки до колена. Бурые пятна спекшейся крови украшали повязку. Пройдя в соседнюю комнату, он вынес длинный сверток, перетянутый кожаным ремешком. Осторожно положил его на стол и расстегнул застежку. В нескольких слоях холстины показался кожаный футляр. Щелкнул дорогой замок. Холодно блеснула сталь булата.

– Меч. Как есть меч, – удивленно протянул атаман, склонившись над оружием.

– Хорош, но тяжел. С таким еще наши деды воевали. По мне так сабля сподручнее, – сказал Никола.

Грицко снова шумно вздохнул, видимо таким образом соглашаясь с другом.

– А здесь надпись по клинку, – к столу бесшумно подобрался писарь. Он показал пальцем с грязным ногтем в едва различимые буквы.

– Ну, так читай, – атаман ткнул писаря кулаком в бок.

– Так не ясно написано, неразборчиво, – начал оправдываться писарь, – но новый толчок в бок заставил его склониться над мечом. – И-Или-я Му-ром-ский, – прочитал он по складам.

– Это оружие Ильи Муромца? – Никола в упор посмотрел на военного.

– Оно самое, – кивнул столичный чин. – И на него идет настоящая охота.

Наше время

Петр притормозил у развилки. На груди в куртке настойчиво вибрировал телефон. Он еще раз сверился с картой и чертыхнулся.

– Теперь что не так? – вопросительно посмотрела Кора. Трубка у нее в руках звенела голосом секретарши.

– Мы опять заблудились, – сказал Петр, устало положив руки на руль. – Предлагаю вернуться домой.

– Это исключено, – покачала головой жена. – Номер забронирован. В отеле нас ждут. И зачем три часа тащиться обратно, когда мы уже практически у цели. А карта? – она кивнула на книжечку, валяющуюся рядом с Петром.

– Ее для фашистов делали, – ответил он, глядя в окно.

– В смысле? – удивилась Кора.

– В смысле, чтобы запутать разведку противника. Там ни один поворот не совпадает.

– Значит так, – женщина моментально приняла решение, – предлагаю вам с сыном выйти и размяться. Мне нужна пара минут, чтобы завершить переговоры. Потом я займусь отелем.

Димка что-то пробурчал на заднем сиденье. Петр с облегчением вышел из машины. Зайдя за ближайшее дерево, он достал сотовый и набрал знакомый

номер.

– Да, Ладушка, да милая, – прошептал он, оглядываясь. – Извини, что не брал трубку. За рулем. Внезапная поездка на три дня. Ты же знаешь, если Кора решила... Ну, как ты могла такое подумать? Я же обещал. Я с ней поговорю. Сегодня. Да. Целую.

Он положил телефон в карман и облегченно вздохнул.

– Ну, где ты там? – Кора стояла рядом с джипом, призывно маша рукой.

– Выяснила? – он подошел к ней.

– Конечно, – женщина пожала плечами. – Сначала нарвалась на какую-то дурочку на рецепшине, она ничего толком сказать не могла. Потом подошел владелец отеля. Серьезный мужик. Объяснил, что подростки хулиганят. Без конца знаки снимают. Мы уже проехали поворот на Майсор?

– Да, – кивнул Петр.

– Прекрасно, теперь налево. Еще двадцать минут и на месте.

В просторном холле, стойки регистрации Марк Андреевич безжалостно хлопнул трубкой по стационарному телефону.

– Ты что вытворяешь, Зойка? – владелец приюта «Большой каньон» угрожающе наклонился к миловидной толстушке, сидящей на рецепшине.

– Извините, Марк Андреевич, – девушка отвела глаза, – я растерялась.

– Следующий раз растеряешься, уволю. Будешь опять в деревне коз пасти.

– Я не пасла коз, – покраснела толстушка.

– Мне плевать, что ты делала, – вспыхнул мужчина. – Я плачу за работу. А ты клиентам дорогу правильно указать не можешь. Заселишь их в домик у реки. Дура, – выплюнул он последнее слово и, развернувшись, пошел к лестнице.

– Ты же говорила, что все заказы отменила, – из подсобки высунулась смуглая темноглазая мордаха младшего брата Зойки.

– Да тихо ты, – шикнула девушка, прислушиваясь к затихающим шагам на лестнице. Она подняла трубку и стала набирать номер. Потом разочарованно положила ее обратно. – Поздно, Сашка. Сотовый туристов не отвечает. Значит, уже подъезжают.

– Нет, – парнишка бросился к выходу и, скатившись по ступенькам, оседлал велосипед.

– Ты куда? Не смей! – вдогонку крикнула сестра, понимая, что не сможет остановить подростка.

– Моя милиция меня бережет, – усмехнулся Петр, выруливая на обочину. Допотопный милицкий УАЗик перегородивал проезд, расположившись посередине дороги.

С другой стороны от него затормозила белая шестерка с потертыми боками. Серьезный мужчина средних лет в милицмейской форме козырнул и подошел к джипу.

– Будьте добры выти из машины. Ваши документы?

Удивленный Петр распахнул дверцу и отдал права.

– И паспорт, будьте добры, – служитель закона протянул руку.

– А что случилось? – Петр полез за документами.

– Здесь колония недалеко. Совершен побег.

- Ничего себе местечко, – покачал головой турист, отдавая паспорт.
- Минутку, – милиционер кивнул и двинулся к шестерке. – Разворачивай, проезд закрыт, – крикнул он, не доходя до нее.
- Кузьмич, пусти, – из машины вылез сухонький человечек. – У меня невестка на сносях. Вот-вот родит.
- Ага, ты, поэтому в машину еще жену с сыном и с тетками засунул, – усмехнулся милиционер.
- Креста на тебе нет, – покачал головой мужичок.
- Креста, может, и нет. Только у главы, помнится, ты больше всех кричал про то, что проезд закрыть надо. Помнишь? – Кузьмич махнул рукой в сторону поселка. – Разворачивай, сказано.

Шестерка пару раз чихнула прежде, чем завестись и уехала.

Милиционер неторопливо вернулся к джипу, оглядевшись, протянул документы.

- Петр Терентьевич, значит. А я Петр Кузьмич. Тезки, – он заглянул в машину. – С ребенком?
- Да вот решили пару дней отдохнуть. Подышать свежим воздухом. – Петр сунул документы в карман.
- Ты вот что, тезка, – милиционер поднял на него тяжелый взгляд. – Не лучшее время для отдыха выбрал. Видишь, что творится.
- Связь не работает, – из машины вылезла Кора, размахивая сотовым.
- Это у нас запросто, – помрачнел еще больше Кузьмич.
- Да, я знаю. Предупреждали, здесь зона неуверенного приема, – кивнула женщина. – Почему стоим?

– Говорят здесь не спокойно, – муж кивнул на дядьку в форме.

– Настолько неспокойно, что в поселке откажутся накормить обедом? – обаятельно улыбнулась Кора. – Я умираю от голода.

– И я, – из машины высунулся Димка.

– Так мы едем? – уточнила женщина.

– Воля ваша, – сказал милиционер, садясь в УАЗик. Он проводил взглядом отъезжающий джип. Рация на сиденье зашипела, бормоча вопросы.

– Уже проехали, – буркнул Кузьмич в ответ и отшвырнул рацию. – Проехали, мать твою, – повторил он, стукнув кулаком по рулю.

Джип цвета топленого молока прошуршал по гравийке, въезжая на мост, ведущий в поселок. Официантка, стоящая на веранде придорожной гостиницы проводила его взглядом.

– Дорогая, наверное, машина, – белокурая женщина, продолжая раскладывать салфетки на столиках, обернулась к мужу.

– У нас не хуже, – полноватый мужчина за барной стойкой оторвался от расчетов и с любовью посмотрел на жену. Изящная блондинка с упругой грудью небрежно откинула волосы назад, поправляя накрахмаленный воротничок.

– И о чем задумался? – она кокетливо стрельнула глазками.

– Думаю, мне повезло, что ты здесь родилась, Танюша, – честно признался он. – Будь я хоть трижды владельцем «Серебряного ручья», ты бы вряд ли согласилась переехать из города в это захолустье.

Жена покачала головой, собираясь возразить, и тут с кухни раздался звон разбитой посуды.

– Вот дура косорукая, всю посуду для банкета перебьет, – не сдержался хозяин.

– Опять банкет? – встревожено посмотрела на него Татьяна.

– Как обычно. Каждый год в это время. Ты же знаешь, в соседней республике праздник. Им нравится наш отель. Постоянные клиенты, – он осекся под взглядом женщины.

На кухне снова загремело.

– Да что ж это такое?! – хозяин поднялся, намереваясь, навести порядок.

– Не ходи туда, – остановила его Татьяна. – Кухарка Экскурсовода кормит.

– Экскурсовод уже здесь? – мужчина, посерев, плюхнулся обратно на стул.

– Пашенька, – женщина подошла к нему и прикоснулась к руке бесцельно бьющей по кнопкам калькулятора, – милый, давай уедем отсюда. Прямо сегодня. Прямо сейчас.

– Ты же знаешь, не получится, – Павел отодвинул калькулятор и прижал к груди светлую головку, пахнущую ромашкой, – Прокляты мы все. Нет нам отсюда дороги.

Мальчишка на велосипеде, выскочив из-за угла, неся на светлый джип, как японский камикадзе, идущий на таран. Петр едва успел вывернуть руль и съехал в кювет. Машина противно заскрежетала брюхом по гравийке. Кора поморщилась. Ремень безопасности врезался в плечо, спасая голову от удара о лобовое стекло.

– Ты что делаешь? – закричал в открытое окошко Петр. – Жить надоело?

– А не фиг тут ездить, – огрызнулся не растерявшийся парнишка. – Привыкли у себя по городу гонять.

– Да если б я гнал, тебя бы уже по стеклу размазало, – окончательно разозлился мужчина.

– Прекрати, – Кора погладила мужа по плечу. – Это же ребенок.

– Мало драли этого ребенка, – фыркнул Петр, стараясь взять себя в руки.

Он вышел из машины, чтобы оценить ущерб. Было очевидно: без посторонней помощи из канавы не выбраться.

– Убирайтесь отсюда! Валите туда, откуда приехали! – не успокаивался пацаненок.

– Ты чего разошелся, Сашок? – от небольшого кирпичного здания с надписью «Администрация» в сторону джипа двигалось несколько мужчин.

Подросток обернулся, растерянно глядя на приближающихся взрослых.

– Уезжайте, – повторил он тише.

– Угомонись, сынок, – темноволосый мужчина, похожий на парнишку, сгреб его в охапку, оттаскивая от джипа. – Не сердитесь на него. У нас в поселке движения нулевое. Вот он и растерялся.

– Я глава местной администрации, Арнольд Степанович, – протянул Петру руку плотный высокий мужчина. – Развитие туризма приоритетное направление нашей политики. Если можем посодействовать...

– Можете, – кивнул Петр, пожимая руку, – машину надо вытащить из канавы.

– Да это разве проблема?! – широко улыбнулся скуластый тип в комбинезоне. – А ну, навались, мужики.

1840 год. Черноморская линия. Усть-Лабинская крепость.

В выбеленной хате атамана было непривычно тихо. Четыре казака молча смотрели на столичного гостя, ожидая объяснений. Полковник провел ладонью по высокому лбу, собираясь с мыслями.

– Месяц назад в Петербурге из рук генерала я получил пять пронумерованных пакетов с заданиями. Со мной был послан отряд в двадцать человек. Выполнив определенное поручение, я должен был открыть следующий пакет. И вот спустя четыре недели я остался один. Еле до вас добрался.

– Это правда, – кивнул атаман. – За ним черкесы гнались, когда наш сторожевой отряд подоспел.

– Последнего из своих, адъютанта, схоронил на днях под Екатеринодаром.

– А что так? – поднял бровь Никола.

– С самого первого дня нас преследовали неудачи. Люди болели, травились. Это допустим объяснимо. Но чтобы в центре России на русских солдат нападали абреки?

– Складно говоришь, – недоверчиво покачал головой Никола.

– Я больше скажу, – военный склонился над столом. На щеках его горел лихорадочный румянец. Последнее ранение в ногу не прошло даром, опалая русоволосого жаром. – Одного из преследователей я убивал трижды. А он снова появлялся живой.

Казаки озадаченно переглянулись.

– Верьте или нет, – продолжал полковник, – а мне терять нечего. Вас предупредить хочу. У меня его лицо перед глазами стоит. Сам весь смуглый. А глаза голубые и волосы как у бабы до плеч, кудрявые. И еще, – мужчина полез за пазуху, доставая конверт. На нем жирным росчерком чернил красовалась цифра пять. – В четвертом конверте была карта с пометкой об этом ущелье. Она перед вами. А пятый конверт надобно открыть, когда меч на место доставите, –

мужчина тяжело вздохнул. – Устал я что-то.

– А вы пойдите, прилягте. Жинка в малой спальне уже постелила, – атаман вывел полковника из горницы и через минуту вернулся обратно.

– Что скажешь, атаман? – Никола барабанил пальцами по столу.

– А то и скажу, что при полковнике приказ императорский. Требуется оказывать ему всяческую помощь и содействие. А что наговорил лишнего, так ведь человек в жару. Жинка говорит, рана у него открылась. Она ему сейчас перевязку сделает, глядишь и полегчает.

– Понятно, – Никола покрутил в руках конверт, – а с этим я что делать буду? Я не чтец. Токмо роспись поставить могу.

– Писарь поедет. Он и прочтет, когда срок подойдет.

Антип поперхнулся, ища слова возражения. Но, встретившись взглядом с атаманом, опустил глаза.

– И еще, – атаман потер подбородок. – Я с вами младшенького своего пошлю, Максимку. Пора парню к службе привыкать. И повод найдем. Жинка-то моя наполовину черкешенка. Скажем всем, что к кунакам в гости едете. Подарков насобираем. Их аул аккурат недалеко от нужного вам ущелья.

– Значит вчетвером едем? – подытожил разговор Никола.

– На рассвете, как только дозор с объезда вернется, – согласился атаман.

Евдокия, жена атамана, поменяла повязку на ноге у полковника и приложила влажную тряпку к пылающему лбу мужчины. Полковник бредил, вспоминая какого-то врага, то и дело, порываясь встать с постели. У порога скрипнула половица.

– Воду поменяй, – сказала Евдокия дочери, отжимая горячую тряпку.

– А может не надо? – бархатный голос мужчины, заставил женщину обернуться.

Незнакомец в форме драгуна, дружелюбно улыбаясь, стоял у занавески, отделявшей гостевую спальню от коридорчика, ведущего в зал. Оттуда доносились приглушенные голоса атамана и казаков, обсуждавших предстоящий поход.

– Кто вы? Что надо? – вскинулась женщина, не понимая, как улыбающийся человек умудрился пройти мимо мужа и охраны.

– Тс-с-с, – словно читая ее мысли, голубоглазый мужчина приложил палец к губам. – Не шуми, услышат. Я не враг, от братьев привет передать пришел.

– Что-то случилось? – жена атамана поддерживала связь с родственниками со стороны матери. Это не раз помогло атаману в переговорах с горцами, воюющими не только с казаками, но и друг с другом.

– У полковника, – синеглазый кивнул на раненого, – есть то, что принадлежит нам. Забери и отдай.

– Что именно?

– Чепуха, можно сказать пустяк. Где его вещи? Я сам поищу, – драгун посмотрел на вешалку у кровати. – Там футляр должен быть, – хищно прошептал он, делая к ней шаг.

– Должен – не должен, а у гостей ничего брать нельзя, – Евдокия заступила ему дорогу гордо распрямив плечи. – Врешь ты все. Не могли братья тебя с таким поручением послать. Они с мужем кунаки. Да и не выглядишь ты, как черкес, – она презрительно сморщила нос. – Так не пойми что, – женщина смирла внимательным взглядом смуглого мужчину с темно-синими, почти черными глазами.

– Вот-вот, не пойми что, – жарко зашептал он, делая шаг ей навстречу. – А если я так буду выглядеть, поверишь, что от братьев пришел?

Он, усмехнувшись, повернулся вокруг собственной оси. Евдокия вздрогнула и от испуга прикрыла рот рукой. Перед ней стоял тот же мужчина, только теперь на плечах его была бурка, а на смуглый лоб наехала черкесская шапка.

– Умница, – прошептал незнакомец, наступая на оторопевшую женщину. – Теперь уходи. Я вещицу возьму и с полковником разговорчик-то завершу. А то недоговорили мы в прошлый раз. Нехорошо, – мужчина снова улыбнулся, укоризненно качая головой. Вот только в глазах его теперь плескалась темная болотная муть.

Не помня себя от страха, жена атамана попятилась к стене противоположной от выхода и уперлась в кровать, на которой лежал полковник. От толчка военный застонал в бреду, поминая врага.

– Вот дура-баба, – прошипел лже-драгун. – Пшла вон, тебе сказано!

– Не тронь ее, коли ко мне пришел, – полковник медленно сел на кровати.

Красный и потный от жара он сжимал в руках английский пистолет, по давней привычке положенный им в изголовье.

– Пулей испугать решил? – хохотнул синеглазый. – Вроде, должен был понять, не берут они меня.

Издевательски усмехаясь, он двинулся к вешалке рядом с женой атамана и протянул руку, собираясь снять полковничью шинель.

– Серебряной пули тоже не боишься, Сатана? – выпалили полковник, возводя курок.

Лже-драгун изменился в лице и бросился в коридорчик. Полковник нажал на курок, но холеный английский замок по неведомой причине дал осечку. Жена атамана зажмурилась и закричала от страха.

– Ушел, зараза, – выругался полковник, глядя на ситцевую занавеску, за которой скрылся синеглазый.

– Что тут творится? – из коридорчика в комнату заглянул озабоченный атаман.

Он посмотрел на дрожащую от страха жену, на полковника с пляшущим в руке пистолетом и покачал головой.

– Совсем ты, брат, в жару. А ну дай-ка, – он подошел к полковнику и вынул из обессиленных рук оружие. – А ты поди к дочерям. Перевязку сделала и ладно. Я к гостю денщика приставлю. Как бы не натворил чего в беспамятстве.

Евдокия послушно вышла из комнатки.

– Он опять приходил, береги меч, – пошептал полковник, откинувшийся на подушки.

– Как приходил, так и уйдет, – почти ласково произнес атаман, с жалостью глядя на бредящего мужчину. – Ты теперь отдыхай, господин полковник. Казаки свое дело знают. Не подведут.

Атаман отодвнул занавеску и почти сразу наткнулся на жену, затаившуюся в коридорчике.

– Захарушка, – зашептала она, – не посылай ты в конвой Максимку. Младшенький он.

– Не дури, – строго сказал атаман. – Итак парня к юбке привязала. От судьбы не убережешь, а жизнь поломаешь своей заботой.

– Ладно, – всхлипнув, покладисто согласилась Евдокия, – но обещай, что пойдут они через аул родичей и, в случае чего, помощи у них попросят.

– А вот это дело, – повеселел атаман. – Я как раз хотел сказать подарков для бея насобирать покрасивше.

– Положу заказ, что купец нам из Екатеринодара привез, – согласилась жена.

– А не дороговато будет? – кашлянул атаман.

– Жизнь сына дороже стоит, – строго сказала женщина и пошла в горницу.

Казак задумчиво закурили, стоя на крыльце атаманской хаты.

– Ох, не нравится мне все это, – пробурчал писарь, скребя плохо выбритый подбородок.

– Чего тебе дядя Антип не нравится? – подколол его Никола.

– Я тебе не дядя, а писарь атаманов, – огрызнулся мужичок и, не прощаясь, пошел от хаты.

– А ты чего молчишь? – Никола повернулся к Грицко.

– Да все думаю, может и взаправду женится? – казак уставился бездонным взглядом темных глаз на друга.

– Совсем сдурел, – изумился Никола. – Ты хоть слышал, о чем мы битый час с атаманом и полковником говорили?

– Та слышал я, – поморщился Грицко. – Первый раз, что ли, конвоем идем. А только попова дочка такая справная и пироги хорошо печет.

– Я так понимаю, ты не только пироги у нее попробовал, – усмехнулся Никола. – Ладно, пошли ко мне. Собраться надо и выспаться.

Антип зашел в дом и отмахнулся от жены. Распахнул сундук, посмотрел на нажитое добро и тяжело вздохнул. Не дал бог ему наследников. Кому все достанется? Писарь прогнал грустные мысли, откинул вещи и с самого низу достал обмотанный небеленым холстом сверток. Развернул тряпку. В руках оказалась почти новая книжица в кожаном переплете.

Перед глазами встал конвой на Дону. Атака на турецкий отряд везущий дары султану от крымского хана. Казаки тогда честно поделили добычу. А книгу дали

Антипу в довесок. Как грамотному.

За прошедшие годы золотая арабская вязь на корешке почти вытерлась. Но самое ценное было внутри. Писарь открыл кожаный переплет книжки и пролистнул белые тонкие листы, не замаранные буквами.

– Вот и настал твой час, – он как живые погладил страницы. Сел за стол и, обмакнув перо в чернила, вывел: «Лета 1840 года, месяца июня, числа осьмнадцатого прибыл в линейную крепость полковник из столицы с императорским поручением. И был при нем меч...»

Грицко заглянул в баню и губы сами разъехались в улыбке. Нет, не права жинка Николы. Мол, в баньку перед походом идти, как перед смертью парится. Придумают же такое. Он вернулся в хату и, игнорируя сердитые взгляды Галины, подмигнул другу.

– Так пойдешь или нет?

– Не пойду я, – Никола всунул ему руки жбан с квасом и чистое белье, приготовленное хозяйственной теткой.

– Как знаешь, – хмыкнул казак и вышел на улицу. Он набрал полную грудь воздуха и запел. Ночь была теплой и звездой.

– А еще старые люди сказывают, что ночью вообще париться нельзя, – поджала губы жена Николы, услышав лихую песню.

– Галю, хватит. Ты прямо как бабка, ворчишь и ворчишь.

Жена надулась. Кто-то из детей забормотал во сне на печи.

– Умаялись, – улыбнулся Никола.

– Все в тебя. Вечно то на рыбалке, то в степи. Лишь бы не дома.

– Казаки, – улыбнулся муж. – Галя, – он подошел к женщине, обнимая. – Мне ж в поход.

– Да знаю я, – она улыбнулась, прижимаясь в ответ.

В протопленной бане было жарко. Грицко поддал пару и лег на верхнюю полку. Он закрыл глаза и тут кто-то брызнул в лицо ледяной водой.

– Никола, пришел так не балуй, – поморщился казак, и отвернулся.

В ответ вода с шипеньем полилась на раскаленные камни. Пар повалил клубами. Его было много, слишком много для тесного помещения.

– Это ты, брат, переборщил, – Андрюха повернулся, но ничего не увидев в белом облаке, спустил ноги с полки. Он пересел пониже. Дышать стало легче.

– Даже для меня жарковато, – выдохнул он, нащупывая на косяке двери веничек.

– Не поможешь? – он протянул его смутному силуэту друга на полке напротив.

Тот взял веник. Грицко растянулся на досках. Хлесткий удар заставил его вздрогнуть.

– Ты того, – пробубнил он, – полегче.

– Полегче тебе? – проворчал кто-то басом.

Дубовые листья, сорванные с веника, полетели казаку в лицо. Голые прутья врезались в плоть со всей дури.

– Очумел! – казак подскочил, уворачиваясь от ударов.

Но странный посетитель бани не собирался прекращать порку. Ободранный веник хлестнул по голым ляжкам. Прошелся по спине, по груди.

– Что за черт? – казак рванул к двери, но ее от влаги заклинило.

– Да скокож можно, – Грицко повернулся и ухватился за веник, норовя вырвать его из рук нападающего.

Тот, судя по всему, обладал медвежьей силой. Несколько минут схватки не принесли никому выигрыша. Разве что пар стал рассеиваться, и казак смог увидеть своего обидчика. От растерянности Андрияха ослабил хватку, и ободранный веник очутился в руках низкорослого мужика, поросшего шерстью.

– Ты кто? – удивился Грицко.

– Я банник. А ты кто? Пошто ночью у меня поганство устроил?

– Да я ж помыться, перед дорогой, – растерянно начал оправдываться казак.

– А эту зачем приволок? – мужичок назвавшийся банником кивнул в угол.

Там за каменным очагом стояла старушка в цветастом передничке. Платок съехал с ее головы, обнажая редкие седые и мокрые уже от пара волосы.

– Кто это? – Грицко выхватил у мужика веник, прикрываясь, и стал бить пяткой в заклинившую дверь.

– А говорила что с ним? Мне в моем доме врала? – у банника как уголья блеснули глаза. Рыча, он бросился к старухе.

Дверь, наконец, распахнулась. Грицко выскочил на улицу. Ночь уже не казалась теплой и безмятежной. Ветерок холодом прошелся по голому телу.

– Мать твою, – Грицко осторожно приоткрыл дверь предбанника и стянул с лавки чистое белье.

Из бани неслось рычание и чьи-то вопли. Казак перекрестился. Оделся на улице и поспешил в хату. Там было темно. Хозяева, не дождавшись его, спали.

– Грицко, крючок на дверь накинь, – из спальни показалась лохматая голова Николы. – Попарился уже? Быстро-то как.

– Да, банька у вас больно горячая, – пробурчал Грицко.

Накинул на дверь запорный крючок и скользнул под одеяло положенное на лавку.

Наше время

Туристы стояли на утопанном пятачке перед фанерным домиком с давно облупившейся краской. Девушка в униформе с трудом открыла заржавевший замок, распахивая скрипучую дверь.

– Это что? – Кора, на мгновение потерявшая дар речи, повернулась к полненькой девушке с бэйджиком «администратор» на лацкане форменного пиджака.

– К сожалению, все остальные места в нашем отеле забронированы, – администратор заученно улыбнулась и пожала плечами.

– Допускаю, но мне обещали отдельный дом у реки со всем удобствами. А это что? – женщина обвела рукой фанерный сарай с тусклыми обоями. Рядом с широкой двуспальной постелью стояла железная двухъярусная кровать. В углу небелеными кирпичами ощерилась старая печка с металлической заслонкой.

– И это убожество вы продаете по цене люкса? – возмутилась Кора.

– Разумеется, нет, – девушка снова улыбнулась, – мы пересчитаем стоимость номера. Но вы можете приехать к нам через неделю, когда номера освободятся.

– Приехать через неделю? В это захолустье с убогим сервисом? Я ни минуты здесь больше не останусь. – Кора топнула ногой. – И всем знакомым расскажу о вашем жутком отеле.

– А вот теперь я пас, – вмешался в разговор Петр. – Почти четыре часа в дороге. Плюс два часа в городе, пока мы ждали тебя с совещания, дорогая. Я чертовски

устал. Хочу есть. Надеюсь, в ресторан у вас продукты завезли?

– Конечно, – кивнула администратор.

– Тогда закажите нам обед. А сейчас мы хотим отдохнуть, – и он, обняв Кору за плечи, заставил ее зайти в дом.

– Ты с ума сошел? – она повернулась к мужу, закрывающему дверь. – Здесь ни ванны, ни туалета.

– Точно. Все на улице. Напоминает студотряд. Зато из домика открывается восхитительный вид на ущелье.

– А мне нравится, – счастливый Димка прыгал на верхней кровати, прикрепленной к стене обычной арматурой.

– Решено, – кивнул Петр. – Большинством голосов мужской части семьи. Мы остаемся.

1840 год

Казачи собрались у церкви в центре станицы. Огороженная каменной стеной с бойницами церковь всегда была последним оплотом обороны в крепости. Ведя за узду гнедого скакуна, подошел заспанный Максим.

– Горазд спать сынок атаманов, – едко сказал писарь, с трудом сядя в седло пятнистой кобылки.

– Так матушка подарки паковала, – оправдываясь, потер глаза парнишка. В ухе у него блеснула серьга младшего в семье.

Ворота крепости открылись. Казачий разъезд вернулся с полей, сообщая о том, что черкесов не видно. Никола поправил кубанку, собираясь отдать приказ. И тут на краю станичной площади показалась казачка. Юбка сочного зеленого цвета колыхалась в такт торопливым шагам. Оранжевая кофта подчеркивала роскошные формы женщины. Темные волосы были заботливо прикрыты на

затылке шлычкой (маленькая шапочка на затылке, куда замужние женщины убрали косы).

Никола услышал смешок у себя за спиной. Он нахмурился и тронул поводья, надеясь перехватить жену у середины майдана.

– Ты чего меня позоришь, Галю? – наклонился он к ней, останавливая коня.

– А ты не шипи, – женщина грозно посмотрела на него, – У тебя пятеро по лавкам, шестого ждем. А ты чего удумал?

– У меня задание атаманово, выезжать пора. Иди домой.

– Хай ему грец, твоему заданию, – бесцеремонно прервала его Галя. – Ты обещал рушник с образов взять, чтобы в дороге тебя защищал? А сам на столе его оставил, – она протянула мужу сложенное вчетверо расшитое полотенце.

Никола молча сунул его за пазуху: – А теперь поди домой. Смотрят же.

– С богом, – жена перекрестила его, не пряча наворачивающиеся слезы.

– Галю, прощались уже, – укоризненно произнес казак. – Едем, – скомандовал он попутчикам.

– Ох, и жинка у тебя, полковник, а не жинка, – усмехаясь, произнес писарь, прищипывая кобылку.

– Справная женщина, – задумчиво сказал Грицко.

– Я тебе покажу справная, – Никола натянул поводья, заставляя коня сбавить шаг, и поднес кулак к лицу друга.

– Да я ж не об том, – смутился Андрюха.

– Хватит болтать, – прервал его Никола.

Они уже выезжали из крепости. Вокруг расстилались поля. На них виднелись казаки, выходящие на работу в широких соломенных шляпах. Рядом несли дозор старики и дети. Не способные к сельской работе они в любой момент готовы были поднять тревогу, чтобы поставить в ружье станицу.

– До ближайшего поста два часа. До границ бея черкесского пять дней пути. На постах нам по цидуле(записке) атамановой лошадей менять будут. Царский гонец сказал, в неделю уложиться надобно. Не то быть беде, – и Никола стегнул коня.

Наше время

На открытой веранде ресторана летний ветерок беззаботно развеивал цветастые скатерти. Река, вытекающая из ущелья, шелестела водой по красным камням.

– Хорошо-то как, – протянул Петр, вдыхая горный воздух.

– Ма, па, я пойду, – Димка отодвинул тарелку и стал выбираться из-за стола.

– От домика не отходи, – нахмурилась Кора.

– Прекрати его так опекать, – поморщился Петр. – Парню уже семь лет. Да и место здесь открытое.

– Наверное, ты прав, – на удивление легко согласилась жена, – Может, еще по чашечке кофе?

– Идет, – он махнул официантке.

– Петруша, нам надо поговорить, – произнесла Кора, как только девушка в накрахмаленном переднике отошла от стола.

– Мне тоже надо сказать тебе очень важную вещь, – Петр откинулся на спинку стула, собираясь с силами.

– Вот, – Кора положила перед ним красную папку.

- Что это? – он раскрыл пластиковую обложку.
- Документы на развод. Мой юрист подготовил.
- Ты как всегда опережаешь меня на шаг, – грустно усмехнулся он.
- Женился на умной женщине, терпи. Тем более не долго уж осталось.

Петр молча достал из кармана ручку и стал подписывать шуршащие листы бумаги.

- Ты абсолютно неисправим, – Кора задумчиво смотрела на мужа.
- Ну, и что я опять сделал не так? – он поднял глаза, отрываясь от документов.

- Разве, не читая, можно подписывать документы? Смотри, – женщина пересела на стул рядом с ним. – Это по разделу имущества. Тебе остается квартира в городе. Удобно, у тебя мастерская рядом. Я с сыном буду жить в доме за городом. Вот соглашение по сыну. Надеюсь, ты понимаешь, развод не должен на нем отразиться. Ты можешь встречаться с ним в любое время. Теперь по деньгам...

- Кора, прекрати, – Петр захлопнул папку. – Нам обоим известно, что деньги в семье преимущественно зарабатываешь ты. А муж-скульптор висит камнем у тебя на шее. Говоря твоим языком, ты сейчас избавляешься от непрофильных активов.

- Ну, тогда я не вовремя это затеяла, – Кора упрямо открыла папку, доставая последний неподписанный файл. – Мой актив спустя десять лет совместной жизни только начал становиться ликвидным. Но, увы, пожинать плоды и ходить с тобой по презентациям буду теперь не я, а эта девочка. Лада, кажется?

Два месяца назад

Кора стремительно вошла в выставочный зал. Рабочий пронес мимо нее огромную вазу желтых тюльпанов. Прямо у входа, бросаясь в глаза, стояли три

однотипных скульптуры девушки-ангела. Девушка с кувшином. Девушка с книгой. Девушка с олененком. Под каждой торчало по несколько ваз с желтыми и розовыми цветами. Драпировки в их тон закрывали стены. Кора с непроницаемым лицом двинулась в следующий зал. Покачав головой, она заглянула в третий самый маленький и полутемный закуток, загроможденный слишком большими для такого пространства скульптурами.

– Кто это сделал? – повернулась она к Петру.

– Лада, – помнишь, я тебе говорил. – Мой пресс-секретарь. Талантливая девушка. Учится на худграфе.

– Да-да, – задумчиво произнесла Кора. – Где мы можем поговорить без посторонних?

– Ну, не знаю, Там есть комнатка у вахтера.

Жена прошла в маленькую подсобку и, захлопнув дверь, внимательно посмотрела на Петра.

– Что опять не так? – поморщился он.

– Я поверить не могу, что ты потратил время и силы на безвкусицу у входа. Знаешь, что это? Три надгробных памятника для твоей выставки. Ни один нормальный посетитель дальше порога не пойдет.

– Кора, я понимаю, что это не лучшие мои работы. Но Лада решила...

Дверь подсобки приоткрылась. В комнату просочилось неземное создание. Вздернутый носик, фарфоровая кожа, образ ангела завершали широко распахнутые глаза. Не надо было быть художником, чтобы понять – перед ними прототип «девичьих» скульптур.

– Понимаете, – мелодичный голос девушки врезался в их разговор, – я решила, что лучше будет расположить выставку в хронологическом порядке. На первом плане последние работы Петра Терентьевича, а раннее творчество посетители увидят в самом конце выставки.

– Логично, – кивнула Кора, поморщившись на «раннем творчестве», – но дерьмово.

Она достала сотовый и, набрав нужный номер, сказала: – Два часа меня не беспокоить. Все звонки переводи на зама, – потом отключила телефон и посмотрела на мужа. – Сколько у нас до выставки? Два дня? Предлагаю поменять концепцию. Что думаешь по поводу перформанса?

– Думаю, он устарел, – пожал плечами Петр. – Предлагаешь попрыгать мне голышом на фоне скульптур?

– Давай плясать о того, что имеем. Ангелы на входе, – задумчиво произнесла Кора. – Ангелы и демоны. Не оригинально. Но с этим можно поиграть. Красная подсветка. Черная драпировка. Скульптуры из задней комнаты на первый план. Твоим коньком всегда была динамика. Экспрессия. Большинство работ изображают характерных героев. Деточка, что вы застыли? – обратилась Кора к Ладе. – Ищите хороших осветителей. И верните подсобных рабочих. Сейчас будем все переставлять.

Лада вздрогнула и вылетела из комнатки.

– Красивая девочка. – Кора задумчиво потерла переносицу.

– Ты что-то говорила про перформанс, – отвлек ее Петр. Он увлеченно набрасывал новый план расстановки скульптур. – Так нормально? – скульптор протянул листок Коре.

– Неплохо, но вот эту можно переставить ближе, – они склонились над маленьким столиком.

– Я вернула рабочих, – Лада заглянула в комнату, бросив ревнивый взгляд на двух людей, заинтересованно обсуждающих план подсветки.

– Прекрасно, – повернулась Кора, – а теперь звоните в драмтеатр. Нам нужны крылья. Много крыльев. И не папье-маше, а настоящие перья, белоснежные.

– Зачем? – захлопала глазами Лада.

– Мы сделаем посетителей выставки ее участниками. Каждый на входе получит свою пару крыльев и должен будет их снять у наиболее понравившейся скульптуры. Шевелитесь, деточка. У нас мало времени.

Ровно через два часа Кора вышла из выставочного зала.

Петр заглянул в подсобку. Всклипывающая Лада искала в сумке носовой платок.

– Она меня ненавидит, – девушка повернулась к мужчине, – Я так старалась. А теперь ...

– А теперь надо признать, что Кора умеет то, чего не умеем мы. Показывать товар лицом и продавать, – улыбнулся Петр. – И потом, она сказала, что ты настоящая красавица. Уверяю, ты будешь играть на выставке не последнюю роль.

Девушка недоверчиво посмотрела на скульптора, протягивающего ей бумажный квадратик.

– Что это?

– Визитка личного стилиста Кору. Ты будешь ангелом. Лицом перформанса, встречая посетителей на входе.

– Я тебя обожаю, – девушка бросилась мужчине на шею, уронив сумку.

На пол высыпались ключи, косметика, несколько конвертов и цветная открытка. На ней колоритный дед в белоснежной рубаше и соломенной шляпе показывал на плетеный забор, увешанный горшками. «Казачья история» – гласил плакат на заборе.

– Что это? – Петр наклонился к открытке.

– Не обращай внимания, – Лада сгребла все в модную объемную сумку. – После того, как ты дал интервью, пошли письма от всяких убогих. Я пресс-секретарь и сама на них отвечаю. А сейчас позвоню стилисту. Ты не против? Осталось два дня. Вдруг, мне надо будет поменять прическу? Потом придется подобрать платье

для нового образа. Ты ведь справишься сам?

– Разумеется, – кивнул Петр.

И девушка выпорхнула из комнаты.

Марк Андреевич, владелец отеля «Большой каньон» методично шагал по кабинету в пентхаузе. Двадцать шагов до зала. Поворот и тридцать шагов до балкона. Он бросил взгляд на великолепный вид открывающийся на ущелье. Горы, будто рассеченные надвое гигантским топором, давали возможность нестись по порогам мощным потокам воды. Брызги искрились в солнечных лучах, создавая радужные облака, загадочным маревом висящие над камнями. Но эта феерическая красота не радовала бизнесмена. Мужчина застыл у балконной двери, глядя на вершину горы. Маленький белый сгусток, совсем крошечный с такого расстояния, целенаправленно забирался на верхушку лиственницы, накрывая ее белым покрывалом. Туман задержался на мгновение и неторопливо двинулся дальше, проглатывая следующее дерево.

– Началось, – фальцетом сказал Марк Андреевич.

Он прокашлялся, с трудом отворачиваясь от гор. Подошел к столу и взял уже нагретый бокал красного вина. Повертел его в руках и, поставив обратно, выскочил из кабинета.

Легкий ветерок поднял скатерть на веранде ресторана, норовя сбросить бумаги со стола.

– Ты бы хоть скандал мне устроила, – Петр задумчиво смотрел на Кору.

– Ты же знаешь, я не умею, – жена захлопнула папку. – И потом бессмысленно все это. Упреки, обвинения, выяснение отношений. Говорят же, насильно мил не будешь. А так мы остаемся друзьями, – она протянула ему руку.

– Ты настоящий друг, – он взял ее ладошку. В его больших натруженных руках холеная ручка жены выглядела чем-то чужеродным. – Мы и, правда, очень

разные, – добавил он.

– А о чем хотел поговорить ты? – она отняла руку, поправляя невидимые пряди, по ее мнению выбившиеся из прически.

– Честно говоря, о том же. Но ты успела бросить меня первой. Почему бы нам не выпить по этому поводу шампанского? – обаятельно улыбнулся мужчина.

– Исключительно за счет отеля, – к ним, радушно улыбаясь, спешил подтянутый человек в строгом костюме. Он галантно склонился над рукой Кора.

– Меня зовут Марк Андреевич. Я хозяин отеля. Приношу глубочайшие извинения за номер. Оптовый покупатель. Но уверяю, как только освободится люкс, он ваш. А пока предлагаю прогуляться к ущелью. У нас проложена дорожка. Вид великолепный. Вечером обещаю ужин. В качестве компенсации за люкс.

– Вот это мило, – улыбнулась Кора.

– Мы очень заботимся о своей репутации и дорожим каждым клиентом, – продолжал расшаркиваться хозяин.

– Может, и правда прогуляемся? – предложил Петр. – Димыч, иди к нам, – крикнул он сыну, штурмующему детскую площадку во внутреннем дворе.

– Мальчик? – хозяин отеля неожиданно перешел на фальцет и закашлялся. – Очаровательный парень. У нас есть услуга няни. Вам совсем необязательно брать его с собой, – он махнул рукой, и к нему подскочила официантка. Еще через несколько минут по ее зову пришла седая, но еще не старая женщина с добрым круглым лицом. Она, как и официантка, носила накрахмаленный передник. На груди синел бейджик: «Антонина Константиновна. Няня»

– Знаешь, я рада, что мы остались, – Кора смотрела на Димку, прыгающего на батуте под присмотром полной седой женщины.

– Это удивительно, посмотри, – Петр показывал куда-то на гору. – Туман спускается сверху. Такое впечатление, что облака падают на землю.

– Я ничего не вижу, – обернулась Кора. Они стояли у самого входа в каньон.

– Пойдем, я думаю, с той смотровой площадки будет видно лучше, – и мужчина потянул ее вглубь ущелья.

Глава 2

1840-й год

В рассветных сумерках Галя, оглядываясь по сторонам, спешила к мазанке на окраине станицы. Она проскользнула за плетень и тихонько поскреблась в запертую дверь. Послышались шаги, звякнул крючок внутреннего запора. Простоволосая босая девчонка лет тринадцати сурово посмотрела на жену есаула.

– Чего пришли, тетя? – сказала она неожиданно низким голосом. – Маманя вас не ждали.

– Да я с подарочком, – Галя попыталась всунуть в руки девчонки узелок, – с благодарностью, значит, – добавила она.

– Рано еще благодарить, – за девочкой показалась широкая почти квадратная женщина. – Ты рушник в дрогу ему собрала?

– Да, как сказали, – кивнула Галя.

– Так проследи, чтоб взял. А теперь иди домой: молись и жди, – женщина повернулась спиной, показывая, что разговор окончен.

– А подарок? Я тут яичек собрала, сметанки.

– Вот вернется муж, тогда и отблаговаришь, – и ведьма захлопнула дверь. – А ты поди воды принеси колодезной – обернулась она к дочери.

Маланья по приказу матери выскочила с ведром. Девушка подошла к колодцу у плетня и поймала на себе взгляд.

– Малаша, – высокий белокурый парнишка перевесился через плетень.

– Чего тебе? – девушка сделала вид, что занята, крутя ворот колодца.

– Я помогу, – парень перепрыгнул через плетень и ухватился за ворот с другой стороны.

– Максим, прекрати. Увидят еще, – девушка покраснела.

– Меня в конвой посылают, – парень придвинулся ближе. – Может, поцелуешь на прощанье.

– Долго думал? – она стрельнула глазками.

– А если убьют? – казак достал бадейку с водой из колодца и наклонился, чтобы перелить в ведро.

– Не убьют, – девушка потянулась к ведру и мимолетом прикоснулась губами к щеке парнишки.

– Малаша, – Максим попытался схватить ее за руку, но девчонка, подхватив ведро, поспешила к дому. Казак вздохнул и, перемахнув обратно через забор, поспешил к лошади, привязанной позади дома. Он уже опаздывал на место сбора казаков.

Авдотья прошла из сеней в хату. Из-за печи потихоньку высунулась темноглазая смуглая Евдокия. Черкешенка наполовину она не потеряла ни тонкой талии после рождения детей, ни врожденной осанки. Даже сейчас, прячась от неожиданной посетительницы, жена атамана стояла, гордо распрямив плечи.

– Галина ушла? – спросила Евдокия.

– Ушла, не беспокойся, – станичная ведьма молча села за стол и выжидающе посмотрела на женщину.

– Я все сделала, – засуетилась та, вытаскивая из расшитого бисером мешочка куриное яйцо. – Максимке на ночь под лавку положила. Аккурат в изголовье.

– Яйцо-то свежее взяла? – Авдотья протянула руку.

– Суточное. – Евдокия вложила ей в ладонь прохладный кругляшок и Авдотья вздрогнула.

– Что-то не так? – напряглась жена атамана.

– Ты присядь, милая, – ведьма махнула на лавку у стола и раскрыла ладонь.

Яйцо, лежащее в руке, серело нездоровой скорлупой. Мелкие трещинки покрывали поверхность. Ведьма поднесла его к носу и поморщилась. Потом положила на стол и хлопнула ладонью по скорлупе. Удушливая вонь поползла по хате. Спекшийся белок пронизывали нити плесени, а в середине раздавленного желтка ползал толстый червяк.

– Это плохо, да? – растерянно произнесла Евдокия. Гордые плечи опустились, и она кинулась в ноги ведьма. – Помоги матушка. Ты же знаешь, один у меня сыночек остался. Старший в плену турецком сгинул.

– Так у тебя еще девок пятеро, – отмахнулась от нее ведьма.

– Помоги, милая, сыночек-то один. Что хочешь для тебя сделаю, – женщина сняла с пальца золотое кольцо и положила его на стол. Подумав секунду, она вытащила из ушей тяжелые серебряные серьги.

Ведьма задумчиво посмотрела на украшения, почесала длинный нос, что-то обдумывая.

– Ты к окошку присядь, – сказала она Евдокии и тяжело поднялась из-за стола.

Авдотья сняла шлычку. Тяжелые темные с проседью косы легли на спину. Бормоча что-то под нос, ведьма начала расплетать волосы. Потом зажгла пучок трав, снятый с печи. Они едко закоптили. Евдокия закрыла слезящиеся от дыма глаза. Плавный речитатив ведьмы убаюкивал ее. Она ловила концы фраз про остров Буян и судьбу-лихоманку, понимая, что засыпает.

Ведьма остановилась и посмотрела на дремлющую у окна жену атамана. Потом глянула на стол. Мерзкий червяк продолжал копошиться в яйце. Будто и не было этих бессонных часов. Словно не стоптала Авдотья все ноги, ходя вокруг стола.

Женщина устало опустилась на лавку. Кто-то мерзко хихикнул в углу горницы. Авдотья повернулась на звук. В колеблющемся пламени свечи ей почудилось движение у стены. Она прищурила уставшие глаза. Из темноты выступила благообразная старушка. Седые волосы прикрыты цветастым платочком. Длинная до полу широкая юбка перехвачена домотканым фартуком с узорчатой вышивкой. Там скакали лошади, паслись козы, стай гоготали гуси.

– Бе-е-е, – повернул голову козел с фартука. Глаза на выкате уставились на Авдотью. Другие животные, словно ожидая сигнала, засуетились, запрыгали, задержались на тканой поверхности. От этого мельтешения у ведьмы зарябило в глазах.

– Отступись, – услышала она шелестящий шепот. – Отступись бабонька. Зачем они тебе? Какое тебе дело до них? Ты же знаешь, сколько волка не корми, он в лес смотрит. Сколько людям добра не делай, все равно слова не держат.

Авдотья сглотнула слюну, прогоняя назойливый звон в ушах. Она моргнула несколько раз, но старушка никуда не исчезла. Ласково улыбаясь, она смотрела на женщину.

– Ус-стала, с-сердешная, намаялас-сь. Отдох-хни, пос-спи чуток. Забудь про все. Не твое это дело, – продолжала шелестеть бабка.

– Я сама знаю, что мое, а что нет, – ведьма тряхнула головой, прогоняя дрему. – Зачем без приглашения пожаловала?

– Так предостеречь тебя хочу, милая, – старушка уже не выглядела безобидной. Цветастый платочек сполз с волос. У животных на передничке прорезались

волчьи клыки. – Не ровен час, что недоброе с тобой случиться. Как с матушкой твоей. И на кого дочурку оставишь? – бабка угрожающе оскалилась.

– Пугать меня вздумала, дрянь старая, – разозлилась Авдотья. Она сгребла в кучу остатки несгоревшей травы с лавки и швырнула в морок. – Моя прабабка, бабка, мать здесь спокон веков стояли и я буду.

Старушка вздрогнула. Попыталась протянуть когтистые руки-лапы к ведьме. Но на глазах истончаясь, растворилась туманом.

– Пошла вон, морок проклятый, – продолжала бушевать ведьма. – Смертью она меня пугает. Пока не убила, я жива!

Кадка с водой, стоящая у входа, поднялась и выплеснулась на то место, где еще недавно стояла старушка. Половая тряпка, вылетев из сеней, собрала воду и шлепнулась на место. Веник, выскочивший из-за печи вместе с совком, сметал со стены едва видимые остатки седого тумана.

– Маланья, хватит дрыхнуть. Иди матери помогать! – крикнула ведьма и заспанная девочка, высунулась из соседней спаленки.

– Случилось что? – жена атамана, проснувшись, испуганно смотрела на веник, самостоятельно наводящий уборку в хате.

– Случилось, – рявкнула ведьма. – Хочешь, чтобы сын жив остался, иди за дровами во двор. Баньку топить будем.

Привал был недолгим, только чтоб дать небольшой отдых лошадям и напоить в заросшей камышами речке. Хмурый Никола махнул рукой, командуя сбор.

– И куда торопимся? – Грицко сладко зевнул, затягивая у лошади подпругу. – Часа четыре спали, не больше.

– Тебе бы токмо спать, – писарь уже сидел на своей лошадке, насмешливо глядя на Максимку, поправляющего притороченные к седлу тюки с подарками.

– Не особо старайся, – остановил его Никола, – На следующей заставе коней менять будем. А потом без остановок двинем.

– С чего бы так торопиться? – недовольно заворчал писарь, нежно поглаживая лошадку, – Да и кто нам коней менять будет. Мы что, курьерские?

– Будут, – тряхнул чубом Никола, – у меня указ императорский. И вот, что. Больше не пререкайся. Я здесь главный, атаманом назначенный и дело у нас военное, – он пришпорил коня.

– Как скажете, господин помощник атамана, – запрыгнул в седло Грицко.

Писарь хмыкнул, но промолчал.

Прошло около часа, когда сзади раздался конский топот. Их стремительно нагонял небольшой казачий отряд.

– Вот и попутчики, – обрадовался Грицко, улыбаясь седому казаку. – Что-то лицо мне твое знакомо братец. Может, где вместе воевали?

Ничего не отвечая, казак обогнал Андрюху и остановил лошадь, загораживая дорогу. Четверка оказалась окруженной десятком человек. От них отделился смуглый темноволосый мужчина. Незнакомец подъехал вплотную к Николе и, бросив взгляд на сверток притороченный к седлу, произнес.

– Поручик Крымов, у меня приказ. Далее груз повезу я и мои люди, – он ловким движением вытащил из-за пазухи грамоту с висящей на ней сургучной печатью.

– Прочитай, – Никола передал бумагу писарю.

– Все верно, – зашевелили губами писарь. – Токмо...

– Груз, – смуглолицый протянул руку.

– Токмо что? – нахмурился Никола, игнорируя жест смуглого поручика.

– Токмо бумага от атамана Екатеринодарского. Кто же к ней руку прикладывал?

– Там же подпись внизу, – поморщился как от зубной боли поручик. Его явно тяготил разговор с тупоголовыми казаками.

– Так тут «сим Петр Емельянов, атаманов писарь заверяю». А Петр то от лихорадки помер. Уж года три как схоронили. Ошибочка у вас, – занудно подытожил Антип.

Клацнул взведенный курок пистолета. В грудь Николе смотрел ствол.

– Груз, – повторил поручик и его голубые глаза потемнели от гнева.

– А черта лысого не хочешь, – крикнул Никола, выбивая у военного оружие. Отлетевший пистолет пальнул в воздух.

Где-то сбоку раздался еще один выстрел.

– Черкесы. Тревога! Все в ружье! – зазвенел тонкий голосок.

Люди в окружившем их отряде обернулись. Грицко, воспользовавшись моментом, выхватил саблю. Не желая бить своих, он не клинком, а плашмя ударил в лицо ближайшего к нему казака.

– В ружье, – крикнул мужской голос. – Геть на басурманов!

– Еще увидимся, – прошипел поручик, разворачивая коня. Он стегнул его и весь отряд, словно взлетевшие птицы, бросился вскачь по степи.

– Шо это было? – спросил Грицко, спрыгивая с коня. Он направился к казаку упавшему с лошади, умчавшейся вслед за отрядом.

Никола смотрел на плавни. Из камышей выбирались дед и мальчишка лет десяти с трудом волокущий ружье.

– А мы видим, наших черкесы окружили. Решили подсобить, – беззубо улыбнулся дед.

– Черкесы? – озадаченно переспросил Никола и добавил. – Спасибо, диду.

– Нема за шо, – кивнул дед. – Рыбачим мы туточки. Может ухи? И, получив отрицательный ответ, махнул рукой. – Ну, бывайте.

– Где грамота? – Никола обернулся к писарю.

– Так вот, – протянул ему Антип бумагу.

Никола взял ее, вглядываясь в крючковые буквы. И тут грамота начала крошиться у него в руках, распадаясь на что-то сухое, шуршащее. Мгновенье и у помощника атамана остался только ворох сухих листьев и пучок пожухлой травы.

– С нами крестная сила, – услышал он изумленный крик писаря.

Никола бросил листья и посмотрел на Антипа, стоящего рядом с Грицко над поверженным казаком.

– Что тут еще? – он легонько пнул пяткой лошадь, заставляя ее подойти поближе.

Там, где еще несколько минут назад лежал казак, теперь белел скелет в истлевшей одежде. Судя по всему, и скелетом ему оставалось быть не долго. Кости на глазах истончались и крошились, уходя в землю.

– Ну, что уставились? – Никола откашлялся, стараясь скрыть охватившее его замешательство. – Говорил же полковник, что дело не простое. Давайте-ка, по коням. И вот еще чего, – он снова кашлянул. – О том, что произошло, никому ни слова.

– Как скажете, господин помощник атамана, – сплюнул на землю Грицко и почесал затылок. Потом наклонился и поднял кубанку, лежащую на земле.

– А ты, видать, в рубашке родился, – протянул он шапку Максимке, продолжающему растерянно сидеть в седле.

– Почему? – удивленно произнес парнишка.

– По-кочану, – усмехнулся Грицко, просовывая палец в дырку от пули, сбившей кубанку с головы парня.

Они сели на коней и двинулась дальше по степи.

– А я уж подумал, усе, – выдохнул Грицко, придерживая лошадь рядом с Николой.

– Типун тебе на язык, – встрял в разговор писарь.

– Та я ж не об том. Я подумал усе, груз передадим и домой. Там сватов к поповой дочке засылать буду.

– Ты можешь о чем-нибудь еще кроме девок думать? – усмехнулся Никола.

– А як же, – хмыкнул Грицко, – о еде. Вот, к примеру, в твоей грамоте сказано, чтоб нам на постах не только коней меняли, но еще и кормили от пуза? Я проголодался дюже. Я как понервничаю, сразу голодный.

Наше время

Туман, клубясь кольцами, опутывал одно дерево за другим, быстро спускаясь по высокому склону. Завороженные красивым зрелищем мужчина и женщина двинулись вглубь ущелья.

– Ма, па, подождите меня! – к Коре и Петру прыжками неся Димыч.

За ним едва поспевала полная седая женщина.

– Димка, ты чего? – Петр поймал разогнавшегося по склону горы сына.

– Я с вами. Мама, ты же обещала, на экскурсию вместе пойдем.

– Так экскурсия заказана на завтра, а сейчас мы просто хотели прогуляться.

– Думаю, это не лучшая идея, – добродушно улыбнулась запыхавшаяся няня. Для пожилой женщины она неплохо бегала.

– Почему? – удивился Петр.

– Сами посмотрите, – махнула рукой Антонина Константиновна, – Ущелье узкое. Сверху частенько камни летят. Спрятаться некуда. Особенно если поезд идет. Слева узкоколейка. Справа обрыв. Поэтому экскурсии и организуют. Снаряжение туристам дают специальное: каски, жилеты. Вон в той будочке, – она махнула рукой. – Но она до трех работает. Опоздали вы немного.

– Спасибо за информацию, – кивнул Петр, – рисковать не будем? – он посмотрел на жену.

– Точно не будем. По поселку прогуляемся? – предложила Кора. – А вы, Антонина Константиновна, побудете с Димкой?

Петр вздохнул. Его жена как всегда на высоте. Няня мельком представилась один раз, а она уже запомнила, как ее зовут.

– Это моя работа, – кивнула женщина. – Я каждый год сюда на лето на заработки приезжаю. Так что не беспокойтесь.

Няня посмотрела вслед удаляющимся родителям и взяла мальчика за руку.

– Не хочу на детскую площадку, – заныл Димка. – Я уже не маленький.

– И не надо. Пойдем, я тебя с кем-то познакомлю, – Антонина Константиновна потянула его к лесу.

– С кем? – заинтересованно спросил мальчик.

От леса отделился силуэт. Большой серый пес неторопливо потрусил в сторону людей.

– Собака, – радостно сказал Димка. – У папы была в детстве. А мне мама не разрешает. Говорит, от нее в доме запах и шерсть.

Пес подошел вплотную к ребенку и уставился на него большими зелеными глазами.

– Это Димка, – сказала женщина собаке. – А это, – она на секунду задумалась, – это просто Пес.

Собака протянула мальчику лапу.

– Тетя Тоня, он дрессированный? – восхищенно произнес ребенок.

– Можно сказать и так, – улыбнулась няня.

Пес возмущенно фыркнул и укоризненно посмотрел на Антонину.

– Он очень умный, – поправилась она. – Все понимает. И разговаривать с ним надо вежливо.

– Ух ты! Меня зовут Дима, – мальчик осторожно пожал лапу животного. – Мне очень приятно. Ты умеешь ловить палку? – и он бросился к лесу, ища что-нибудь подходящее.

– И не надо так на меня смотреть, – Антонина перехватила растерянный взгляд животного. – Это же ребенок. С ним надо играть.

Пес застыл, раздумывая, а потом, радостно потягивая, бросился за палкой брошенной мальчишкой.

1840-й год

В хате повеяло свежим ветром. Усталая ведьма утерла пот.

– Ну, теперь должно быть ладно, – Авдотья потянулась к тарелке, поставленной на печь. В нее предусмотрительно были собраны остатки злополучного яйца.

– Что там? – кинулась к ведьме Евдокия.

– Да хорошо все, – кивнула женщина. Перед ней стояла миска, в которой растекся обычный белок с цельной ярко-желтой серединой. – А теперь иди домой, милая, Устала я. Светает уж. У меня по хозяйству полно дел. Сосну хоть часок.

Жена атамана пошла к двери.

– Свое-то не забывай, – окликнула ее ведьма, показывая на кольцо с сережками, лежащее на столе.

– Да-к ведь это плата, – запнулась женщина.

– Нет, милая, плата будет другая. Ты, помнится, обещала все, что угодно для меня сделать. Или от слова своего теперь откажешься?

– Нет, не откажусь, – жена атамана гордо распрямила плечи.

– Умница. А плата такая. Сынок твой, как из похода вернется, пущай сватов к моей доче засылает.

От удивления Евдокия потеряла дар речи.

– Что молчишь? Или думаешь моя Маланья твоему Максимке не пара? Ты не переживай, приданное за дочкой будет хорошее. Одна она у меня.

– Так ведь муж мой такие дела решает, – пролепетала озадаченная Евдокия.

– Муж голова, а ты шея: куда повернешь, туда и посмотрит. Значит решили. Теперь иди себе с миром.

Жена атамана как ошпаренная выскочила из мазанки.

– Мама, зачем вы так? – подала голос Маланья, стоящая у печи.

– А затем, что в возрасте я уже. Надо о твоём будущем позаботиться. И потом. Разве не нравится он тебе?

– Ни капельки, – пробурчала девочка, – да и не красавица я, сами знаете. А Максимка, он такой... – она тяжело вздохнула и замолчала.

– С лица воды не пить, – задумчиво произнесла Авдотья, глядя на широкоскулую приземистую дочку. – А Максимка твой красавец, да телок. Ему такая жена как ты нужна. Сильная. И потом, показалось мне, что ли, что он чуть не каждый вечер под нашими окнами гуляет?

Ничего не отвечая, Маланья отвернулась от матери. Её взгляд упал на тарелку с яйцом. На самом краешке по белку расплывалось кровавое пятнышко.

– Мама, что это? – испуганно сказала девушка.

– Я сплю уже. Все потом, – прозвучал голос матери из спальни.

– Что ж делать-то? – девушка бросилась к печи. Зачерпнула чашкой заговоренные отвар и, взяв травы, брызнула ими на яйцо. Потом по памяти прочла пару заговоров. Кровавая клякса прекратила расплзаться, побледнела и окончательно исчезла.

– Значит, не нравится он тебе? Ну, ни капельки, – раздался за спиной у Маланьи голос матери.

Над разгорающимся костром булькал ухой походный котелок. Писарь переломил через колено толстую ветку хвороста принесенную из лесу.

– Телок, как есть телок, – Антип наклонился к Николе, делая вид, что подкладывает дрова в костерок. – Тут нападение, а он застрял на коне. Ни туды, ни сюды. Подстрелят мальчонку, а нам атаман головы снесет.

– Чего предлагаешь-то? – нахмурился Никола. – Не я парня до семнадцати лет у мамкиной юбки держал.

– Приставь к нему Грицко. Приказ дай, чтоб следил, охранял, значит.

– Прав ты, – Никола кинул взгляд на Максима, безмятежно дремавшего на привале. – Где Грицко?

– Так к ручью пошел, коней поить. Щас кликну, – писарь встал и, прихрамывая, пошел к небольшому лесочку, в глубине которого ласково шумела речка. Хрустнули сухие ветки. Рука легла на плечо казака.

– Грицко, не балуй, – возмущенно обернулся мужик. На него смотрели синие глаза поручика, казавшиеся еще более яркими на смуглом лице. Писарь дернулся, и понял, как чувствует себя муха в паутине. Из железных лап странного человека было не вырваться. Антип скосил глаза на широкий кинжал в другой руке поручика и просипел.

– Зря ты это затеял. Здесь казачьих разъездов полно.

– А я ничего и не затеял, – кинжал в руке синеглазого исчез так же внезапно, как и появился. – Я поговорить хочу, – поручик наклонился к самому лицу писаря. – Полагаю, умные люди всегда могут договориться.

– Отчего ж не поговорить, – кивнул казак, понимая, что от поручика веет могильным холодом.

– Из них, – поручик кивнул на костерок у привала, – ты кажешься мне самым разумным. Зачем в твои годы с больной ногой шататься по походам? – зашептал он писарю в ухо. – А появились бы у тебя деньги. Открыл бы корчму или лавку, – в руке у поручика звякнул монетами кожаный мешочек. – Соглашайся, – зашипел он в ухо.

– А не соглашусь? – Антип попробовал отодвинуться от неприятного человека. Ему казалось еще немного и заморозит он его своим ледяным дыханием.

– Тогда убью, – спокойно произнес поручик, и вместо мешочка с монетами в руке вновь блеснуло стальное лезвие.

– Того-этого, согласен я, – быстро произнес писарь.

– Твое, – синеглазый всунул ему в руку деньги. – И еще возьми.

Полотняной узелок лег в потную ладонь Антипа.

– А это чего? – удивился писарь, сжимая колюче-шуршащий узелок.

– Лошадкам подсыпь, на следующем водопое, – прошелестел удаляющийся голос.

– Ты в себе, али как? – тяжелая ладонь Грицко хлопнула казака по спине.

– Тьфу, напугал, ирод, – выругался Антип, скоро рассовывая мешочки по карманам.

Он не мог понять, как поручик умудрился так быстро спрятаться в худосочном лесочке. Но, так или иначе, сейчас на полянке между редкими деревьями был только он, Грицко, да четыре стреноженные лошади.

– А я че, я ниче, – пожал плечами Андрюха. – Смотрю, ты стоишь и сам с собой разговариваешь. Может перетрудился?

– Ты мне не тыкай. Молод еще. Старшой тебя ищет. Коней сам доведу.

Андрюха передал писарю в руки поводья своенравной кобылки Николы. Антип пасмурно посмотрел вслед уходящему казаку. Потом полез в карман и, достав кожаный мешочек, растянул завязки. На ладонь ему высыпалось несколько крупных тускло-желтых затертых монет.

– Золото, как есть золото, – прошептал писарь.

Никола задумчиво сидел у костра. Грицко и Антип, пойдя с лошадьми к водопою, куда-то запропастились. Да и разбуженный им Максим, отправленный на сбор сучьев для костерка, тоже скрылся с глаз.

– Негоже так разбредаться, – запоздало подумал помощник атамана, пододвигая к себе сверток с мечом. Лежащий недалеко от костра, он показался казаку обжигающе горячим.

Треск сучьев, заставил Николу обернуться. Сухонькая старушечка с вязанкой хвороста вышла на поляну.

– А я гляжу огонек. Думаю, не почудилось ли? – сказала она. – Места-то здесь безлюдные.

– Это точно, – кивнул казак, цепким взглядом окидывая старушку.

Вроде бабка как бабка. По одежде так из верхних станиц. Там любят делать такие яркие вышивки, от которых в глазах рябит. И кой черт ее в такую глушь закинул?

– Монастырь здесь основать решили, – словно отвечая на немой вопрос, сказала старушка. – А я помогаю.

– Угу, – кивнул казак.

Объяснение было приемлемым. Он слышал про отшельников обосновавшихся прямо под носом у крымского хана. Но святым людям виднее.

– Так я подсяду. Погреюсь, если позволишь, – старушка продолжала безропотно стоять у края поляны.

– Конечно, матушка, – Никола показал на свитку брошенную Грицко с другой стороны костра.

Но бабка, не заметив его жеста, уюстилась рядом.

– Даже слишком близко, – подумал казак, глядя в подслеповатые глазки старухи. – И в чем тут душа держится? А вот же, отшельница.

– Я того, – бабка подвинулась еще ближе. – Не в меру любопытна. А новостей никаких не знаю. Как там в миру? Войны нет?

– Пока нет, – Никола отодвинулся от старухи.

– Это хорошо, – прогундосила она и снова подвинулась.

– А церкву в крепости отстроили?

– Давно уже, – Никола опять отодвинулся, поражаясь тому, сколько лет щуплая бабка шастает по лесам.

– Очень хорошо, – настырная старушка опять заерзала, пытаясь разглядеть лицо казака. – А ты, милоч, женат ли? Могу тебе невесту нагадать хорошую.

– Спасибо, – казака уже порядком достала старуха. – Женат, и детки есть. Шестой скоро будет, – он поднялся, желая отвязаться от назойливой собеседницы. И только теперь понял, что старуха оказалось рядом с завернутым в полотно мечом.

Никола нахмурился и наклонился за свертком. Но старушка одновременно с ним вцепилась в холстину.

– Если женат, не хочешь же ты, казак, семью потерять?

Никола застыл, не разжимая рук.

– Думай, о чем говоришь, старая. Ведь не погляжу на твое отшельничество. Одним ударом душу вышибу.

– Дурак, – усмехнулась бабка. – Ничего ты мне не сделаешь. А хочешь, чтоб семья цела была, отдай что не твое. Нехорошо чужое брать, – она потянула к себе сверток.

– Верно, – кивнул казак. – Чужого сроду не брал.

Старуха расплылась в беззубой улыбке. Никола дернул за сверток и поднял его вместе с вцепившейся в холст бабкой.

– А своего никому не отдам, – закончил он фразу. – Как клещ присосалась, – подумал казак, безрезультатно стараясь стряхнуть с меча тощую вредную бабку.

– Отшельница, значит, – разозлившись пробормотал он, предпринимая очередную попытку освободить оружие.

Бабка, как репейник, висела на холстине. Ее ножки волочились по траве. Но она не отпускала добычу.

– Ежели ты отшельница, то не почитать ли нам с тобою молитву? – выдохнул казак, чувствуя, как с него градом катит пот.

Он вспомнил первые слова и уже собрался их произнести. Но старуха, опередив его, как блоха отпрыгнула от свертка, и скрылась в кустах на краю поляны.

– Ты чего это, дядя Никола? – с другой стороны из лесу вышел Максим с хвостом в руках.

Он удивленно смотрел на казака держащего холст с мечом на вытянутых руках над головой.

– Танцую, тут, – хмыкнул помощник атамана и сел у костра. Он утер лицо. Положил футляр с мечом на колени и для верности накрыл его руками.

Наше время

Две параллельных улицы поселка, соединяясь небольшим проулком, вели к ущелью. За пятнадцать минут, Кора и Петр обошли «центр» и сейчас поворачивали к дороге, ведущей обратно к реке и отелю.

– М-да, гулять здесь особо негде, – протянул Петр и остановился. – Подожди, где-то я это видел.

На углу торчал плетень, увешанный горшками. За ним стояла беленая кубанская мазанка, как в старые времена покрытая камышом. А на плетне, диссонансом с этой идиллической картинкой, полиуретаном краснел плакат: «Казачья история» – домашний музей».

– Забавно, пойдем – посмотрим, – предложила Кора, открывая калитку.

На встречу, широко улыбаясь, спешил добродушный подтянутый старик. Седые усы, кудрявый чуб, льняная рубаха, подпоясанная красным кушаком с кистями. Он сам был живым олицетворением истории.

– Гости-то какие, – обрадовано сказал дед, тряся руку Петру, – я уж вас заждался Петр Терентьевич.

– Ты его знаешь? – одними глазами спросила Кора, затаскиваемая гостеприимным хозяином на летнюю кухню.

Здесь рядом с побеленной печью под дощатым навесом, увитым виноградом, стоял деревянный кособокий стол, покрытый клеенкой.

– Вы присаживайтесь, – старик махнул рукой на лавки – Я щас накрою.

Он бросился в сарай, выволакивая оттуда кабаньей окорок. Достал из печи свежий хлеб. Выставил миски с вареньем.

– Все свое, – комментировал дед четкие действия, – Не сомневайтесь. Натуральное. Ребятня ко мне с окрестных городов летом на практику ездит. Историю изучает. Мы с ними и рыбку вялим, и окорок коптим. Да и печка у меня не бутафорская.

– Простите, мы знакомы? – вклинился в поток слов Петр.

– Да я вам, почитай, уж писем пять отослал и открытку. Сразу после вашего интервью в газете. Вы разве не читали? Поговорить мне с вами надо срочно. Я

уж в город за вами собрался ехать.

– Да что-то припоминаю, – вежливо кивнул Петр и пожал плечами, глядя на Кору.

– Я была не права, – хитро подмигнула жена, – ты прославленный скульптор и слава о твоих эпохальных работах докатилась до самых окраин.

Две недели назад

Кора сидела на кухне городской квартиры, обхватив голову руками. В открытом ноутбуке маячил перечень сотрудников на увольнение. Список подготовил отдел кадров. Но она сама решила его перепроверить. И, судя по всему, не напрасно. Кора чертыхнулась и делетом убрала знакомую фамилию. У нее рука не поднималась увольнять старый состав. Тех, с кем несколько лет назад она начинала риэлторский бизнес. Женщина прошлась по списку еще раз и зацепилась взглядом за Томочку.

– Черт бы побрал этот кризис, – Кора отодвинула ноутбук и встала, чтобы налить чаю.

Бросила взгляд на старые ходики, купленные мужем по случаю у какой-то бабушки. Они прекрасно вписывались в интерьер столовой, оформленной в деревенском стиле. Два часа ночи. По-хорошему надо было лечь спать. Но кружевные трусики, заботливо оставленные любовницей мужа под подушкой, отбили всякую охоту заходить в спальню.

Итак, вернемся к списку. Ах, да, Томочка. Неплохая была сотрудница. Пока не развелась. А что мы имеем сейчас? Бесконечные больничные из-за двух малышей детского возраста, опоздания на работу и невыполнение пары заданий. Формально, отдел кадров абсолютно прав. У нее бизнес, а не благотворительная контора.

Хлопнула входная дверь. На кухню заглянул подвыпивший Петр.

– Все празднуешь? – Кора подняла красные глаза от компьютера.

– Имею право. Сегодня пришел второй чек от французов. Кстати, месье Лакруа попросил прислать мой каталог. Сказал, что покажет его любителям современного искусства. И еще он написал, – Петр, пошатываясь, присел за стол, – что мои работы произвели неизгладимое впечатление на его друзей.

– Здорово. Но пить все равно хватит.

– Почему ты не радуешься со мной, а? Хочешь сказать, что это ты притащила на мою выставку французов, да? Но ведь работы они купили мои! – с нажимом произнес муж.

– Ты не в том состоянии, чтобы говорить серьезно.

– Я в том, – он пересел на стул рядом с ней. – Чем ты теперь недовольна? Мои друзья радуются, – он показал в сторону двери. – А родная жена не рада. Я хочу слышать, что снова не так?! – он махнул рукой, сбивая стоящую рядом с Корой чашку с чаем. Жалобно тренькнув, она упала на пол.

– Во-первых, – Кора устало потерла переносицу, – где были эти «друзья», когда мы вместе с твоими скульптурами ютились в хрущевке? А во-вторых, если ты заметил, французы купили две работы трех- и пятилетней давности. Ведь так?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что если ты будешь продолжать ваять ангелочков, можешь поставить крест на карьере.

– Ты не права. Ты даже не понимаешь, насколько ты не права, – Петр полез в карман куртки, доставая оттуда помятые газеты с рецензиями. – Вот, посмотри, что пишут. Восхищены! Все, кроме одной дерьмовой газетки.

– А критикуют здесь? – Кора вытащила из кипы газет одну и процитировала.

«Ранний Петр Терентьев поражает своей энергетикой, что не скажешь о его последних работах. Может быть поэтому, он стыдливо спрятал безликое

подражание классикам с оленятами и книгами в самый дальний конец выставки?»

– Откуда ты...

– Это единственная непроплаченная публикация. Про пиар слышал? Французы должны были увезти с собой хорошую прессу.

– То есть все остальное заказуха? – Петр посмотрел на нее протрезвевшим взглядом. – Значит, я полное дерьмо?

– Петруша, ты гений. Но последние два года у тебя полный застой. Очень жаль, но мне не удастся до тебя достучаться. Пойми, только человек, который тебя любит, не будет петь дифирамбы, а скажет правду.

– Это ты меня любишь? Да ты ледышка, расчетливая и злая, – Петр резко поднялся и вышел, хлопнув дверью.

Смятые газеты, шурша от сквозняка, слетели на пол.

Кора подняла чашку. Положила ее в мойку. Вернулась к компьютеру. Сглотнула подступившие слезы и обняла себя за плечи. Нет, так не пойдет. Сейчас кризис. Чтобы удержаться на плаву, надо держать себя в руках. Она с силой выдохнула воздух, выбрасывая негатив. С этим пора заканчивать. Открыла окно ежедневника на экране ноутбука и пометила: «Юрист. 13.00». Потратим обеденное время на решение личных проблем. Кора снова уставилась в список.

Итак, Томочка. Двое детей. Кто, интересно, возьмет на работу мать-одиночку? Кора решительно нажала «делет», удаляя женщину из списка попадающих под сокращение работников. Она представила озадаченное лицо начальника отдела кадров и закрыла ноутбук. Уже поздно. Пора спать. Интересно, насколько удобен диван в кабинете? Помнится, где-то в шкафу должен лежать плед.

Настоящее время

В беседке за столом было на удивление уютно. Пока дед-владелец «Казачьей усадьбы» накрывал на стол, Кора задумчиво смотрела на громадные подсолнухи

у колоритного плетня.

– Знаешь, мы оба были не правы, – словно читая мысли жены, сказал Петр. – Но теперь-то нам нечего делить.

– Это точно, – усмехнулась Кора, – делить больше нечего.

– Ты от меня что-то скрываешь? – Петру почудилась двусмысленность в ответе жены.

– А вот и медок. Майский. У меня здесь пасека неподалеку, – дед поставил на стол между ними банку с медом. – У нас вообще тут места чудесные. В другое время обязательно показал бы. Но сейчас придется сразу к делу переходить. Старик открыл принесенную из дома бумажную папку на тесемочках. – Это же ваше интервью?

– Ну, да, – кивнул Петр, бросив взгляд на вырезанную страницу.

– Вот тут. На вопрос о творчестве, вы что ответили?

– Да я уже не помню, – Петр взял страницу и прочитал: «откуда приходит идея – загадка для любого человека, независимо от того, что он творит: пишет книгу, ваяет скульптуру, строит дом или выводит новый сорт пшеницы. Но в этой загадке своя прелесть. Как, например, в старинной легенде о том, что меч Ильи Муромца захоронен на Кубани». И что?

– Так я о мече.

– Это просто сравнение, – улыбнулся скульптор, – все знают, что это сказка. Не более.

– А ну пошли со мной, – поманил его старик, – мы на минуточку? – улыбнулся он женщине.

Петр обменялся скептическим взглядом с женой. Но ему не хотелось обижать гостеприимного деда. Он встал и покорно пошел за хозяином. Свернув за мазанку, они увидели небольшой сарай. Кирпичный, с металлической крышей он

странно смотрелся рядом с белой хатой.

– Це кузня, – пояснил старик, открывая замок на двери.

Наковальня, современная система поддува и вентиляции не оставляли сомнений в том, что дед не только увлекается историей, но и прекрасно освоился в современном мире.

– Удивлен? – довольно произнес Кузьмич, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Впечатляет, – признался Петр, глядя на почти промышленный горн.

– Только силы уже не те, чтобы ремеслом дедовым заниматься, – вздохнул старик. – Но главное я успел. – Смотри, – он нажал на рычажок рядом с горном, и тяжеленная наковальня отъехала в сторону. Под ней оказался проем с деревянным ящиком. Хозяин откинул крышку и достал оттуда меч. – Вот он родимый – дед гордо поднес его к окну. – Читай!

Петр застыл. В это трудно было поверить, но узорная вязь на клинке складывалась в легко читаемые слова «Илия Муромский»

– Этого не может быть! Вы позволите? – скульптор бережно взял оружие и внимательно осмотрел меч. – Выглядит как настоящий. Конечно, он вряд ли принадлежал былинному богатырю. Но даже я понимаю, что ему не одна сотня лет. Думаю, надо провести экспертизу. Даже с учетом того, что клинок был сломан, а затем восстановлен, он будет стоить сумасшедших денег. Можно сказать, у него практически идеальное состояние. Где такой раритет мог храниться все эти годы?

– Там где и надобно. В скале, – буркнул старик, отнимая меч. – Говоришь, состояние идеальное. Так знаешь, сколько я рецептов перепробовал, прежде чем поломанный клинок сплавить?

– Так это вы его восстановили? – еще больше удивился Петр.

Дед преподносил сюрприз за сюрпризом. Меньше всего он был похож на человека, разбирающегося в сплавах.

– Гляди-ка, – Кузьмич достал из ящика небольшого углового шкафчика обычную общую тетрадь с полуголой певичкой на обложке. Листы в ней были исписаны каллиграфическим почерком с пояснениями и формулами. Петр просмотрел записи и вернул старику.

– Хотите сказать, что за пару лет, вы раскрыли формулу сплава?

– Точно, – гордо сказал дед, – да не успел маленько. Меч спаял, да на место его вернуть не могу. Не пускает она меня обратно. Видишь, метку свою оставила, – хозяин закатал рукав, показывая нитку серого жемчуга, плотно облегающую плечо.

– В смысле? – уточнил Петр, понимая, что старик начинает заговариваться.

– В прямом. У нее же как? Коли живым вернулся, то обратно ни-ни.

– Ага, – кивнул Петр, придумывая причину для сворачивания визита.

И тут с улицы слышался шум.

– Не дадут поговорить с умным человеком, – огорченно сказал хозяин. – Ты того, завтра придти сможешь? – и, не дожидаясь ответа, торопливо подошел к шкафчику. Достал оттуда небольшую книжку в затертом кожаном переплете. Приложил к ней тетрадь с формулами и сунул Петру в руки. – Бери, завтра поговорим, покумекаем.

– Я не уверен, что смогу это взять, – промямлил скульптор, не понимая, что именно от него хочет дедок. Но старик уже торопливо сложил меч в потайное место и нажал на рычаг.

– Ты не трусь, – хозяин меча повернулся и бодро хлопнул Петра по плечу. – Мужик ты здоровый. Я тоже еще ничего. Вдвоем справимся. А теперь выходим. Вдруг, ирод этот чего заподозрит? Повадился ко мне, волчья морда.

Они вышли на улицу, жмурясь от ярких лучей летнего солнца. У плетеного забора впритык припарковался черный джип. Выходец из соседней республики темноволосый подтянутый мужчина обернулся на звук их шагов. Петр поразился темно-зеленым глазам незнакомца. Они контрастировали со смуглой кожей и орлиным носом парня лет двадцати пяти.

– Опять ты, Исмаил? Сказал не ходи ко мне.

– Дед ну зачем ты так? – молодой человек постарался улыбнуться. Но получилась эта улыбка, то ли слишком быстрой, то ли слишком нервной. Она скользнула по смуглому лицу, не зацепив холодные изумрудные глаза. – Пусты, поговорить надо.

– Не о чем, – быстро произнес старик. – И потом, разреши тебе один раз в дом войти, век не отвяжешься. Да и гости у меня.

– Ну, ну, – процедил парень, скользнув взглядом по тетрадям у Петра в руке. – Смотри, Кузьмич, потом поздно будет.

Исмаил зло хлопнул дверцей машины. Джип сорвался с места и, чуть не снеся плетень, помчался по улице.

– У вас неприятности? – нахмурился Петр.

– А, Исмаилка это. Парень неплохой, но упрямый и вспыльчивый, – отмахнулся дед. – Пойдем, что ж я гостя не накормил, не напоил, а зубы заговариваю.

К ним торопливо подошла Кора.

– Думаю, нам пора. Что-то у меня за Димку сердце не спокойно.

– Димка, это кто? – уточнил старик.

– Мы сюда с сыном приехали, – пояснила женщина.

– С ребятенком?! Ты что писем моих не читал? – нахмурился дед.

– Не получилось, – пожал плечами Петр. – Понимаете, у меня на письма отвечает пресс-секретарь.

– Дурак твой секретер, – зло сказал дед. – Иди к мальцу и запомните: места здесь опасные. Это вам не город, а горы. Лес кругом. Речка порой из берегов выходит. Да и еще много чего случается. Об том завтра поговорим, – он сурово посмотрел на скульптора. – И вообще, по одному тут не ходите, – и гостеприимный старик, буквально вытолкал их за калитку.

Исмаил, чертыхаясь, сел в джип. За дочерна тонированными стеклами почти не было видно его лица. Он попробовал языком растущие клыки и еще больше разозлился.

– Упрямый дед, – парень хлопнул по рулю.

Машина, реагируя на удар, отозвалась сигналом.

Исмаил вздохнул и поехал прочь от негостеприимного хозяина. Он должен был что-то сделать. Он должен был что-то придумать. Если бы отец был жив...

Горькие воспоминания накатили волной. Прошел уже год. Нет, прошел всего лишь год. Перед глазами парня до сих пор стоял жадный бурлящий поток. Разжатая ладонь отца. Он не хотел тянуть его за собой.

Джип проскочил через мост, и парень нажал на тормоз. Он легко выпрыгнул на дорогу. Бросил взгляд на шины. Так и есть. Они слегка дымились. Надо будет попросить у Мурата еще запаску.

Парень спустился к реке. Присел и зачерпнул в горсть воды. Она был горячей. Обжигающей горячей. Поморщившись, он растопырил пальцы, выпуская жидкость на волю. Капли упали на ползущего муравья. Тот остановился на мгновение. Вытащил из влаги усики, потом лапки и пополз дальше.

– Так и есть, – усмехнулся Исмаил. Воды была горячей только для него. Для него и для таких как он.

– Что ж мы тебе сделали? – в сердцах произнес парень, глядя на покрасневшую ладонь, потом на лес за рекой.

В ответ река плеснула жадной волной к его ногам.

– Не дожدهшься, – усмехнулся Исмаил.

Ладонь уже не пекло. Река пока не палила бурлящим кипятком. Не была той обжигающей стремниной, которая в прошлом году заживо сварила его отца.

Парень нахмурился, он вспомнил, что обещал. Прошел целый год. Ему так и не удалось договориться со стариком. А ведь тот наверняка что-то знает. Ничего, он что-нибудь придумает, должен придумать. Потому что времени осталось слишком мало.

Исмаил развернулся и почти взлетел по берегу к дороге. Залез в джип и снова потрогал языком растущие клыки.

Как сказал этот дед?

Волчья морда?

Старик определенно знает, с кем имеет дело. И ему придется с ними договориться.

Кора и Петр торопливо шли по дороге, слегка напуганные словами старика.

– Чудаковатый дед, – Кора облегченно вздохнула, когда увидела Димку играющего на поляне между лесом и отелом.

– Крепкий, но возраст уже берет свое. Иногда такую чепуху говорит. – Петр переложил в другую руку, тетради, отданные Кузьмичом. – А с кем играет наш сын?

– С какой-то собакой. Весь в тебя, любитель животных.

– Странная собака – нахмурился мужчина, ускоряя шаг.

Серое крупное животное с торчащими ушами и хвостом, палкой висевшим между задних лап, громадными прыжками носилось за смеющимся ребенком.

Седая полная женщина оторвалась от вязания и поднялась со скамейки рядом с туристическим домиком.

– Хватит уже, – крикнула псу Антонина Константиновна, напряженно оглядываясь на приближающихся родителей мальчика.

Пес послушно остановился, посмотрел на няню и, кивнув ей, побежал в лес.

– Он еще вернется? – раскрасневшийся Димка подбежал к женщине.

– Вернется, и не один, – заверила она, приглаживая взмокшие волосы мальчишки. – А теперь иди к родителям. Вон они к тебе торопятся.

Пес забежал в лес, и в изнеможении повалился на спину, трясая лапами. Потом поднялся, доковылял до пня с воткнутом в него обычным перочинным ножом. Превозмогая боль, он прыгнул через него и опустился с другой стороны плотным невысоким мужчиной. Человек озабоченно посмотрел на руки и ступни. Покачал головой и потянулся за лежащей рядом одеждой. Потом достал из кармана куртки бинт и, перевязав слегка обожженные руки, вытащил перочинный нож из древесины.

Стройная до худобы женщина в голубых джинсах и легкой почти детской маечке со смайликом на груди, прыгающей походкой двигалась по тропинке, ведущей в гору. Собственно говоря, буквально в десяти метрах с боку была проложена вполне приличная грунтовка. Пусть и заброшенная несколько лет назад, неудачливыми разработчиками лесных богатств, она до сих пор была довольно удобной и просторной. Но женщина предпочитала идти по узенькой дорожке, перелезая через поваленные деревья, отмахиваясь от низких веток, скользя на проседающей почве, подмытой то тут, то там бегущими с горы ручейками.

Через полчаса целенаправленного движения она остановилась и удовлетворенно вздохнула. До цели оставалось совсем немного. Впереди на широкой поляне, оставшейся после проведенной вырубki, маячило несколько валунов, в незапамятные времена, скатившихся с горы.

– Милостивая госпожа, прими меня и мои дары, – женщина опустилась на колени и поползла, не обращая внимания на впивающиеся в колени камни и сучки. – Милостивая госпожа, не сердись. Прими мои дары.

В вытянутых руках просительницы лежал сверток. Она с трудом, но уверенно, словно проделывала это не в первый раз, доползла до края поляны и отдышалась. Дальше шел крутой подъем. Только ее наметанный взгляд углядывал на нем ступеньки, занесенные грунтом, листьями, затянутые дерном за минувшие столетия.

Продолжая шептать, женщина осторожно поставила колено на первую ступеньку и остановилась, словно ожидая какого-нибудь подвоха. Но ничего не случилось. Солнце продолжало светить. Птицы петь. Кузнечики стрекотать в траве. Она переставила еще одну ногу. Потом поднялась еще. Нервный пот заливал глаза. От напряжения вытянутые руки стали дрожать.

– Милостивая госпожа, покажись, – всхлипнула женщина, – я так хочу тебя увидеть.

Она всхлипнула еще раз, продолжая упрямо ползти в гору.

– Зачем пришла? – звук лавиной обрушился с горы, заставив задрожать кустики, облепившие подъем.

В лесу стало тихо.

– Я с просьбой. Вот, – женщина потянулась, кладя сверток на пару ступенек вверх перед собой, и нерешительно подняла голову.

Наверху у входа в грот колебался сгусток тумана. Под взглядом женщины он постепенно стал приобретать человеческие очертания. Просительница жадно вглядывалась в происходящие перемены. Она так боялась происходящего. Но

оно завораживало. Ей хотелось уйти, но жадное любопытство заставляло вытянуть шею, чтобы не пропустить перемены, происходящие у грота.

– Можешь уходить, – произнесла высокая стройная незнакомка в темном платье.

Длинные волосы заплетены в косы. Строгие глаза. Четко очерченный рот скривился в усмешке. Конечно же, она презирала просительницу, стоящую перед ней на коленях. Да и за что ее было уважать? Жалкую, ничтожную, никому не нужную.

Женщина под этим взглядом почувствовала себя полной неудачницей. Она кивнула головой и попыталась спуститься по поросшим ступенькам. Колено, не нашедшее опоры, провалилось в мягкий дерн. Просительница нелепо взмахнула руками и кубарем скатилась вниз.

Только годы тренировок, годы, проведенные в походах, заставили тело мгновенно сгруппироваться. Она открыла глаза, понимая, что лежит на поляне перед валунами. Ощупала себя и поняла, что отделалась всего парой синяков. Вспомнив про грот, женщина вскочила на ноги, всматриваясь вверх. Но там было пусто. Сверток, оставленный на ступеньке, тоже слетел вниз. Плохо завязанный узел платка ослаб, и на поляну высыпались кольца, несколько простеньких цепочек, сережки.

– Не приняла, опять не приняла, – прошептала худенькая женщина. – Но ведь я жива?

Словно ища что-то, она ощупала свои запястья и плечи. Покачала головой. Огорченно всхлипнула. Подняла платок, вытряхнув из него оставшиеся украшения, и почти бегом поспешила обратно в поселок.

Глава 3

1840 год

Степь уже давно сменилась холмами. Вдалеке замаячили поросшие лесом горы.

– А ну, братцы, погодь, – писарь натянул поводья, заставив лошадь, полученную в очередном казачьем секрете-заставе, остановиться.

– Чего там у тебя? – проехавшие было мимо казаки, развернули коней.

– Да захромала кобылка. Небось, неладно подковали, – Антип слез с лошади и, подволакивая ногу, обошел ее, присматриваясь.

– А по мне, так все ладно, – проворчал Грицко.

– Может, доедешь? – хмуро сказал Никола, от непредвиденной остановки у него неожиданно защемило сердце. – Нам до кунака атамана не боле часу езды осталось.

– И то дело, – поддакнул Грицко, – поедим, отдохнем. А лошадку эту пока здесь оставь. Вот хоть к Максимке подсядь. У него не конь, а буйвол. Настоящий войсковой. Такой двоих вынесет.

– Тебе бы только пожрать, – огрызнулся писарь, – а эта животино – имущество войска. Вы сходили конвоем и все. А я потом полгода отписки буду писать: где, да почему, да что произошло. Спешивайтесь. Отдохнем. Коней попоим. Речка ж рядом. Авось поможет.

Максимка послушно слез с коня. Грицко с недоумением следил за тем, как писарь собственноручно собирает поводья, ведя лошадей на водопой.

– Станный он стал, – Грицко присел на траву рядом с Николой, изучающим карту, переданную полковником. – То сам с собой говорит. То вон, лошадей потащился поить.

– Есть немного, – усмехнулся Никола. – Старик. Тяжело ему в походе, вот и чудит, – он посмотрел в спину писарю, идущему к камышам.

– А того, – Грицко придвинулся поближе. – Скажи-ка мне, господин помощник атамана, – Мы в этом ауле у бея надолго задержимся или как?

– Хотелось бы побыстрее, но думаю, дня два придется погостить. А то ведь до места назначения от аула того еще столько же. А тебе-то что?

– Да, я слышал черкешенки больно бабы красивые. Вон у хана крымского, бают, весь гарем из черкешенок.

– Грицко, я тебя прошу, нет, я тебе как старший приказываю, выброси из головы глупости. – разозлился Никола. – Еще не хватало с беем из-за юбок разругаться. Нам может помощь его понадобится.

– Да я че, я ниче, – Анрюха мечтательно вздохнул и лег на траву, уставившись бездонными темными глазами в синее небо.

Четыре коня бились в предсмертных судорогах на берегу. Ласково шелестя, вода брызгами вздыбливалась под копытами умирающих животных. Антип с тоской посмотрел на лошадей, вытерев краем рукава невольную слезу. Он обернулся на шелест камышей. Поручик, улыбаясь, манил его рукой. И так страшна была его улыбка, что мурашки ползли по спине у писаря.

– Ага, щас, – мотнул он головой и сам не понимая, что делает, стрелой вылетел на откос. – Беда, братцы! – завопил писарь. – Кони-то подошли!

– Тю, – привстал озадаченный Грицко, но пуля, выпущенная с откоса, заставила его вжаться в землю.

– Пригнись, – крикнул он Максиму, ошалело глядящему на писаря, бегущего прочь от реки. Грицко выругался и по-пластунски пополз к мальчишке. Протянув руку, он впечатал его голову в траву, смешанную с речным песком.

– Ты чего, дядя Андрей, – повернул лицо парень, отплевываясь от травы.

– Того, что пристрелят тебя дурья башка. Пистолет где?

– Рядом. Его как батаня дал, маманя в сумки запаковала.

– Итить твою, – выругался Грицко, понимая, что спасая мальчишку оставил ружье у костра и у него ничего нет кроме сабли. А ей с пулями не повоюешь. – Лежи тихохонько, я возьму, – Грицко пополз к сумкам, кожей ощущая мелкие камешки, фонтанчиками летящие от впивающихся в землю пуль.

Выстрел со стороны казаков заставил нападающих уже высунувшихся из-за берега, снова лечь.

– Грицко, я прикрою, – крикнул Никола, перезаряжая черкесское ружье с серебряным прибором.

Казак протянул руку к сумке и стал торопливо развязывать завязки. Блеснул пистолет.

– Не тульский, – протянул он разочарованно.

– С английским замком, – раздался рядом шепот Максимки. – Дай, дядя. Я хорошо стреляю. Грицко молча протянул бесполезное для него оружие.

Парнишка прицелился. Из-за берега показалась мохнатая шапка, а потом и голова седого мужичка с горбатым носом. Максим нажал на курок. Голова дернулась и исчезла. Следующим выстрелом уже Никола уложил здорового мужика, словно выросшего на спуске к реке.

– Кажись, скачет кто, – пробормотал Грицко, прижимаясь ухом к земле.

Выстрелы со стороны камышей стихли. Зато явно послышался топот приближающегося конного отряда. – Черкесы, итить твою, – пробормотал Грицко, вытаскивая из неудобных железных ножен саблю.

Подъехавший отряд смуглых стройных всадников на великолепных лошадях остановился в нескольких метрах от распластанных на земле казаков. Никола оправился первым. Опираясь на ружье, он поднялся с земли.

– Здрав будь, – поприветствовал он молодого всадника, чье богато украшенное оружие явно выдавало предводителя отряда. – Не знаешь ли, Исмаил-бея? Мы кунаки его. С подарками едем.

– Может, и знаю, – с легким акцентом, но по-русски сказал молодой человек. – Вот только не похожи вы на кунаков его, – он вопросительно поднял вверх тонкую, почти девичью бровь.

– Так будут кунаками, – подал голос, улыбающийся Максимка. – Ты братец, не узнал меня, что ли? Осенью же вместе на торжище встречались.

– Максим? – С лица черкеса слетела надменная гордость. Он легко спрыгнул с коня и обнял парня. – Гость дорогой. Твои друзья – мои друзья. Твои враги – мои враги. Мы стрельбу слышали, на нее и приехали. Кто напал на моего брата во владеньях моего отца? – он гневно посмотрел в сторону реки.

– Да хрен его знает, – пожал плечами Грицко, глядя на подвывающего писаря на четвереньках ползущего к ним от реки.

– Антип, вставай уже, – подошел к нему Никола.

– Ага, я тут... немножко того... – он посмотрел на горца, на отряд. – Вовремя вы успели. А у нас беда. Кони померли.

– А мы подарки от атамана крепости бею везем, – бесцеремонно встрял в разговор Максимка.

– Подарки, – улыбнулся горец. – Так вы на свадьбу? Ай, да молодцы. Не волнуйтесь, – он сделал знак и несколько горцев, спрыгнув с лошадей, передали поводья казакам. – Отец будет рад вас видеть.

– Слышь, Никола, – Грицко ехал рядом с другом, задумчиво теребя ус. – Я к речке успел спуститься. Там нет никого. Ни раненных, ни убитых. А ведь малец попал. Голову даю на отсечение, попал.

– И я попал, – задумчиво произнес Никола. – Ты бы головой своей не клялся. Чую, представится еще возможность и под пули, и под сабли подставиться.

Наше время

– Она не принимает откуп. Вот, – худая женщина продемонстрировала главе администрации пустой платок.

В этот вечерний час в его кабинет был битком набит народом. Мужчины и женщины в ужасе смотрели на тетку трясущую платком.

– А может, хрень все это, – молодой человек в яркой футболке выступил вперед. – Сперла ты Лидия сама все безделушки. А теперь сказками запугиваешь.

– Ты Роман не лезь. Отучился пять лет в городе. Не знаешь, что здесь происходит, – оборвал его глава.

– А я думаю, парень прав, – выступил участковый. – Сыт я по горло этой чертовщиной. Думаю, надо подкрепление из города вызвать.

– И что скажешь? – недобро улыбнулся мужик в комбинезоне. – Что привидения местных жителей запугивают?

– Найду что сказать, – упрямо кивнул Петр Кузьмич.

– Если из поселка сможешь уехать, – угрожающе прошептала тетка с платком.

– А я попробую, – участковый вышел из кабинета, хлопнув дверью.

– Дядя Петр, я с вами, – бросился за ним парень в майке.

– Можно подумать, мне это нравится, – беспомощно развел руками глава.

– И нам не нравится, – раздались крики среди людей.

– Мы тоже, того, хотели бы уехать, – выступил вперед седой мужик со слезящимися глазами, – И это, приезжих надо предупредить. Не дело сейчас по горам лазить.

Еще несколько человек, выражая свое намерения уехать, хлопая дверью, вышли и кабинета.

– А теперь, когда остались только истинно верующие, скажу я, – взвизгнула Лидия.

Наступила тишина.

– Если кто-то не верит, что я ходила в грот с подношениями, может проверить, – продолжала она звенящим голосом. – Все до единого украшениями оставлены мной у горы. Я могу провести к этому месту. Кто пойдет? – она по одному обошла людей, старясь заглянуть в старательно отводимые ими глаза. – Нет желающих? Возможно потому, что все знают: оттуда не возвращается никто. Или почти никто. Только я беспрепятственно хожу туда и обратно. И почему? Ответьте мне?

– Она хочет этого, – провозгласил тип в комбинезоне. Глаза его лихорадочно блестели. – Она хочет, чтобы ты приводила туда людей.

Тощая тетка удовлетворенно кивнула.

– Ответьте еще на один вопрос. То, что происходит здесь каждый год, продолжается всего неделю. Почему же никто из вас за это время не уехал отсюда? Хоть в город, хоть в соседний поселок. Добро нажитое боитесь оставить?

Люди, потупившись, продолжали молчать.

– Каждый год вы спохватываетесь именно в эту неделю и пытаетесь убежать. Именно в то время, когда все пути перекрыты. Почему?

– Так словно морок на нас находит. Забываем мы все, – подал кто-то голос.

– Или вы знаете, что приеду я и снова сделаю за вас грязную работу, – сказала Лидия гордо выпячивая тощую грудь. – Я ведь не живу здесь. Я единственная кто может приехать и уехать отсюда в любое время. И если вам не нужна моя

помощь...

– Нужна, конечно, нужна, – подскочил к ней глава.

– Нужна, – закричал мужик в комбинезоне.

Разноголосый хор поддержал его.

– Тогда, давайте определимся. Во-первых, мы не несем ответственность за чужаков. И, во-вторых, кто не с нами, тот против нас. Согласны? – она оглядела присутствующих. Вот теперь выражение их угрюмых, но решительных лиц нравилось ей гораздо больше.

После собрания Палыч вышел, довольно ухмыляясь.

– Чего лыбишься? – догнал его лысый напарник.

– Так все путем, – усмехнулся тип в комбинезоне. – Еще немножко и золотишко наше будет.

– Потихе, как бы припадочная не услышала, – мужчина оглянулся. – Думаешь, она, и правда, украшения в пещеру отнесла?

– Точно, – кивнул Палыч, – у этой тетки давно не все дома. Я за ней с прошлого года слежу. Но каждый раз упускаю в лесу. Как исчезает куда-то, зараза. Представь, сколько она туда добра натаскала.

– Ниче, вдвоем выследим. А еще лучше, набьемся ей в помощники. Не покажет по-хорошему, отдаст по-плохому, – мужик полез в карман куртки и достал пистолет.

– Откуда это? – спросил Палыч.

– Не твое дело, – отрезал напарник.

Палыч остановился.

На пустынной улице они были вдвоем. Жители поселка после собрания, как мыши попрятались по домам.

– Я тут слышал, из колонии побег был месяц назад. Потом ты, так кстати в гости к старому другу приехал. И стрижка у тебя подходящая и это, – он скосил глаза на оружие.

– Придурок, – хмыкнул лысый, проводя рукой по бритой голове. – Мода щас такая, понял? А откуда ствол – неважно. Поговорку вспомни: кто много знает, недолго живет.

– Понял, не дурак, – пожал плечами Палыч.

– А вот и наша дуреха, – лысый показал на Лидию, последней выходящую из здания. – Гляди, как работать надо, – он уверенно двинулся к женщине.

– Я сразу понял, что только ты нас спасешь, – мужик бесцеремонно вцепился в руку тетки.

– Правда? – Лидия просияла.

– Мы того, тоже хотели бы познакомиться с хозяйкой, увидеть храм, – продолжал лысый.

– Это невозможно, – тяжело вздохнула экскурсовод.

– Да ну? – лысый напрягся и положил руку в карман с оружием.

– Вот если бы нам удалось найти жертвы... – не обращая на движение мужчины, продолжала она.

– И отвезти их в храм, – закончил за нее фразу он.

– Да, тогда бы она вам показалась, – закивала тетка.

– Не вопрос, – лысый и Палыч переглянулись. – Сегодня все и сделаем.

Глава администрации поселка проводил последнего человека и торопливо закрыл дверь на замок. Потом подошел к окну и выглянул на улицу. Там о чем-то беседовали Лидия, Палыч и недавно приехавший к нему в гости знакомый. Степаныч тяжело вздохнул. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше. Но как говорила бабка: «Всей птичке попасть, коль увяз коготок.» А у него не то, что коготок, его по пояс затянуло.

Мужчина шумно вздохнул и подошел к столу. Там стоял телефон. Надо было всего-навсего взять трубку и позвонить в город.

– И что сказать? – спросил он сам себя. – Что поселок и он вместе с ним потихоньку сходят с ума?

Глава обошел вокруг стола, не смея оторвать глаз от телефона.

– Это просто приезжие. Чужие люди, – произнес он вслух, стараясь себя в чем-то убедить. – Вот именно, люди, – добавил он и дрожащей рукой потянулся к аппарату.

Пластиковая трубка радиотелефона удобно легла в ладонь. Он набрал куратора поселка в администрации города.

– Черт с ними, пусть думают, что хотят. Одному не справиться с этим безумием, – трубка ответила короткими гудами.

– Ничего, попробуем еще раз, – он говорил вслух, стараясь себя подбодрить.

Длинные гудки. Пауза. Соединение.

– Алло! – закричал обрадованный глава.

– Да, слушаю, – услышался усталый голос чиновника.

– Антон Андреевич, это Арнольд Степанович беспокоит. В поселке проблемы. Мне нужен ваш совет, а скорее помощь. Нет, скорее нужна милиция или военные, – затараторил он.

– Алло, вас не слышно. перезвоните еще раз, – раздалось в ответ.

Прерванный звонок. Короткие гудки.

– Что за черт, – Степаныч раздраженно набрал номер снова.

В ответ – шипенье неработающей телефонной линии.

Что-то закрыло свет в окне. Тень легла на письменный стол, подгребая под себя неестественно длинными руками бумаги и телефонный аппарат. Глава испуганно обернулся. Но у окна уже никого не было.

Телефонная трубка выпала из рук на ковровое покрытие. Не обратив на это внимание, Степаныч попятился к двери. Кабинет стал казаться ловушкой. В его углах шуршал кто-то невидимый. Дверцы старого шкафа со скрипом раскрылись. Мужчина добрался до двери, повернул ключ в замке и выскочил на улицу.

Петляя, как заяц, прячась за каждым кустом, он понесся домой.

Милицейский уазик неся по дороге, ведущей из поселка. Грунтовка быстро закончилась и за мостом они въехали на вполне приличный асфальт. Поселок считался курортным и власти, как могли, заботились об удобстве туристов.

– Молодец ты, дядя Петр, – восхищенно сказал парень в яркой майке.

– Оно может и молодец, да почему я весь год молчал? – не отрывая взгляд от дороги, ответил участковый. И не один год. Эта катавасия уж пять лет продолжается, не меньше.

– Не знаю, – Роман пожал плечами. – Когда я на учебу уезжал, никаких привидений не было.

– И я о том же, – участковый бросил взгляд в зеркальце заднего вида и удовлетворенно хмыкнул. За ним вереницей пристроилось еще с десяток машин таких же беглецов. – Вот только не хорошо мы поступили, – добавил он нахмурившись.

– Это почему? – удивился парень.

– Да потому, Рома, что сами уезжаем, а приезжих не предупредили. Но ничего. Мы по быстрому. До ближайшего поселка пару часов езды. Авось, там кого соберем и вернемся. Очень надеюсь, что не набедокурят они с этой истеричкой за два часа. А ты как думаешь? – он снова взглянул в зеркальце, недоумевая, почему такая простая мысль не пришла ему в голову раньше. – Чего молчишь, племянничек, – он бросил взгляд на парня.

Тот сидел, глядя прямо перед собой, не в силах произнести ни слова. Участковый посмотрел на дорогу и нажал на тормоз. Перед ним плотной высокой стеной стоял непроглядный туман. Уазик по инерции понесло вперед. Наконец, он натужно заскрипел и остановился.

– Эй, ты в порядке? – участковый потряс Романа за плечо.

– Д-да, – заикаясь, сказал он.

– Вот очумел, это ж просто туман. Сейчас дальше поедem. Я уж думал тебе плохо, – Петр Кузьмич повернул ключ зажигания, мотор заурчал, но не завелся. Вторая попытка так же не принесла успеха. – Говорил я, докладные писал, что надо новую машину покупать, – пробурчал он.

– Дядя Петр, – подал голос племянник. – Не рассказывал я никому. Но на днях у леса я такой же туман видел.

– И что? Здесь же горы. В любое время года туман может быть, – участковый открыл дверцу и, держась за поясицу, вылез из машины. – Прихватило меня нехстати, – с трудом разгибаясь, произнес он.

– Там были монстры, – высунулся из машины Роман. – Как в американских фильмах. С вот такими головами и зубами.

– На то они и фильмы, – участковый открыл капот машины, стараясь рассмотреть хоть что-нибудь в белой мгле.

– Нет, у нашего леса, – Роман подошел к дяде, пугливо оглядываясь по сторонам.

– Совсем сдурели вы от телека, – покачал головой Петр.

Раздался глухой звук, и машина вздрогнула. Затем еще один. Словно кто-то большой решил вытряхнуть полотно дороги от мусора, как запылившийся ковер.

– Это они, – упавшим голосом сказал Роман, глядя куда-то в сторону.

Участковый повернул голову. Из молочно-белого пространства на них надвигался многометровый силуэт.

– Он такой большой, как его земля держит, – прошептал парень губами в цвет тумана. И в тот же миг, будто отзываясь на его слова, дорога просела. Уазик наклонился, валясь передними колесами в образовавшуюся пустоту.

– Уходим, – Петр за шиворот потянул парня прочь.

– Но они могут, – пробормотал он.

– Начихать мне, что они могут, – участковый отвесил парню пощечину и посмотрел в глаза, приобретающее осмысленное выражение. – Бежим.

И они бросили прочь из тумана.

Вечерело. После потрясающего ужина предоставленного отелем семья спустилась к речке, вытекающей из ущелья. Благо идти до нее было не более

двадцати метров. Одета в цивилизованную набережную рядом с приютом, дальше она текла через поселок то широким, то узким своевольным потоком.

– Странный тут цвет у камней, красный, как кровь, – задумчиво сказала Кора.

– В воде много железа, да и закат добавляет окраски, – улыбнулся Петр.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– Похоже, мы поменялись местами, – вытер выступившие от смеха слезы Петр. – Теперь ты романтик, а я серьезный парень, имеющий на все разумное объяснение.

– Надо же и деловой женщине расслабиться, – смешно наморщила нос Кора и распустила волосы, стянутые в тугий узел. Темные пряди весело рассыпались, вырвавшись из строгой прически.

– Я все время хотел спросить, – Петр наклонился к ней. – Почему ты перекрасила волосы?

– Потому, что руководители в основном мужчины. А они вряд ли будут вести серьезные переговоры с зеленоглазой платиновой блондинкой. У меня и линзы припасены коричневого цвета для особо мачистых клиентов. Психология, дружочек. Приходится приспосабливаться.

– Как у вас в бизнесе все запущено, – покачал он головой.

Брызги от булыжника, брошенного в воду, плеснули им на ноги.

– Димка! – обернулись они одновременно.

Мальчишка, оставленный без присмотра, азартно швырял в речку камни.

– Ого, как маршируют. Вот тебе и неторопливая сельская жизнь, – посмотрел Петр на дорогу. В конце улицы в их сторону целеустремленно двигалось несколько мужчин во главе с человеком в промасленном комбинезоне. – Неужели решили поменять нам разбитую фару? У них же «забота о туристах

является приоритетной политикой», – прогугнивил он, подражая главе.

Кора снова рассмеялась. Пряди подхваченные ветром упали на лицо. Петр протянул руку и откинул волосы.

– Ты само совершенство, – задумчиво сказал он. – Такая линия лба и носа. Древние греки моли бы позавидовать. Я тебе говорил, что ты красавица?

– Говорил, когда ухаживал, – в глазах Кору блеснули озорные огоньки.

– Извини, – раздался мужской голос.

Бесшумно подобравшийся джип стоял в нескольких метрах от них на дороге. Из открытой дверцы выглядывал человек с белозубой улыбкой: – Извини, дорогой, как найти усадьбу «Серебряный ручей»?

– Так вы ее проскочили. Она на въезде, – ответил Петр.

– Спасибо, дорогой. Красивая у тебя жена. Береги ее, – человек хлопнул дверцей и поехал в сторону спешащих людей.

– А он прав, – задумчиво сказал Петр. – Места здесь пустынные. Не вернутся ли нам в отель?

– И лечь пораньше спать. – Кора снова была серьезной, собирая волосы в узел. – Тем более за сегодняшний день с этой бесконечной дорогой мы основательно вымотались.

Темный джип остановился перед группой людей, идущих к отелю. Он перегородил узкую дорогу, ограниченную с одной стороны высоким забором частного домовладения, а с другой обрывистым берегом реки.

– Добрый вечер, уважаемые, – тонированное до черноты стекло дверцы плавно съехало вниз. – Куда торопитесь?

– Не твое дело! – рявкнул мужик в комбинезоне, – убери машину.

– Ну, разумеется, не мое, – спокойно согласился мужчина. – А вы не подскажете, как до усадьбы добраться? «Серебряный ручей» называется.

– Кончай придуриваться, – подал голос человек с гаечным ключом в руке. – Вы ж там каждый год собираетесь.

– Ну, зачем так гостей встречать? – улыбнулся водитель. – Гость это самый дорогой человек в доме. Или я обидел тебя чем?

– Слушай, гость, тебя не звали. Вылезь из машины, по-другому поговорим. Да, Палыч? – подскочил к дверце высокий парень с кустистыми бровями.

– А он не может вылезти, – усмехнулся Палыч. – У этого отродья земля под ногами горит. Так ты сам подвинешься или нам машину в речку столкнуть?

– Зачем ругаешься, дорогой? Уже уезжаю, – мужчина положил забинтованные руки на руль. Джип плавно сдал назад и, чуть отъехав, устремился к выезду из поселка.

– Вот, гаденыш, – выругался кто-то из воинственной пятерки. – Пока он нам зубы заговаривал, туристы ушли.

Петр лег на неожиданно удобную двуспальную кровать и потянулся за толстой книгой в кожаном переплете, отданной стариком. Кора мирно посапывала рядом, поплескавшись в летнем душе.

– Это даже забавно, – сказала она ему, вбегая в домик закутанная в махровое полотенце. Димка, умаявшись, заснул на верхней кровати, свесив ногу. Петр пододвинулся ближе к ночнику и открыл первую страницу. Ее местами желтая, местами сероватая поверхность была покрыта довольно разборчивым почерком с «ятями».

– Если и подделка, то очень качественная, – отметил Петр.

И тут кто-то тихонько постучал в дверь.

– Только не говорите, что здесь есть обслуживание в номере, – пробурчал он, накидывая на себя халат.

На деревянной веранде у дома стояла худенькая женщина в джинсах и детской майке со смайликом. В тусклом свете фонаря ее лицо было едва различимо.

– Я ваш экскурсовод, – она протянула ему узенькую ладошку.

– Очень приятно, – сказал Петр, – На экскурсию прямо сейчас пойдем?

– Если хотите, – с готовностью кивнула она. – Я могу подождать вас на веранде.

– Я пошутил, – озадаченно ответил скульптор. – Вообще-то, мы уже спим.

Женщина застыла. Нерешительно потопталась.

– Я тоже пошутила, – наконец, произнесла она. – Я так зашла. Познакомиться. Ну, тогда до завтра, – она потопталась еще немного и сбежала по деревянной лесенке, исчезая в темноте.

– Познакомились, – пробурчал Петр, недовольный тем, что его вытащили из постели. Только укладываясь поудобнее на кровати, он понял, что посетительница не назвала имени. – Паноптикум, а не поселок. Под машину кидаются, книги дарят, ночью вламываются.

– Ты чего ворчишь? – повернулась сонная Кора.

– Ничего. Спи, дорогая, – он заботливо укрыл ее одеялом, ловя себя на мысли, что после подписания документов о разводе их отношения явно пошли на поправку. Затем взял старую книгу и снова открыл.

«Лета 1840 года, месяца июня, числа осьмнадцатого прибыл в линейную крепость полковник из столицы с императорским поручением. И был при нем меч...»

Петр пролистнул несколько страниц, чувствуя, как слипаются глаза, и выключил ночник. Практически сразу он провалился в сон, где brave казаки гарцевали на конях и воевали с черкесами.

Пять мужчин у реки обернулись на едва слышное шуршание шагов. На берегу стояла женщина. Луна, смотрящая ей в спину, делала силуэт призрачным и почти нереальным.

– Все верно, – сказала она. – Дом у реки. Удивительно, что еще не спят. Марк им ужин с начинкой дал. Попробуйте ближе к утру. – И она отошла в сторону, растворяясь в ночи.

– Хорошо сказать, подождите, – гаечный ключ звякнул о камни на берегу. – У нас горы, ночи-то холодные.

– Заткнись, боров, и без тебя тошно, – ответил кто-то, и наступила тишина.

1840-й год

В ауле казаков встретили как самых дорогих гостей. И, несмотря на прибывающий на свадьбу народ, выделили для них целых два домика-сакли. Грицко, оставив Максимку на хозяйстве, поспешил к Николе.

– Ты что это вытворяешь? – услышал Андрюха голос Николы, заходя в саклю.

Помощник атамана навис над Антипом, скрючившемся на коврике в углу комнаты.

– Я того, – замялся Андрей, понимая, что не вовремя решил провести начальство. – Князь ихний, то есть бей, к столу нас кличет.

– Уже идем, – отозвался хмурый Никола. – Подожди снаружи.

Грицко стоял у входа, слыша брань помощника и жалкие оправдания писаря. Слов было не разобрать. Но интонации не оставляли сомнений в том, что Антип

извинялся.

И тут к сакле плавной походкой подошла девушка. Тонкую талию красавицы, казалось, можно был обхватить двумя пальцами одной руки. Толстые черные косы, с вплетенными в них лентами, спускались почти до земли. Небольшая шапочка на голове была украшена яркими камнями. Густые ресницы красавицы опухли на щеки. Девушка попыталась проскочить мимо Грицко в саклю.

– Куда? – казак перегородил ей дорогу. – Туда не можно. У господина помощника атамана важный момент разговора.

– Бей приказал отнести мне подарок помощнику атамана, – почти неслышно прошептала красавица.

– Так я помощников помощник. Наиглавнейший. Могу передать, – он постарался вложить в голос всю силу своего природного обаяния. Но черкешенка даже не подняла на него глаз, сжимая в руках маленький медный поднос с лежащим нем свертком.

– Грицко, опять? Я ж предупреждал, – раздался голос Николы из-за спины у казака.

– А я че, я ниче. Это к тебе господин помощник.

– Ко мне? – Никола уставился на девушку.

Робея, красавица всунула казаку в руки поднос и украдкой взглянула на Николу. Будто ножом по сердцу полоснули его темные очи. Девушка от смущения вспыхнула и, ничего не сказав, быстро посеменила прочь от сакли.

– Ты гляди, – удивился Грицко. – На меня как на пень, а тебе глазки строит. Да она, поди, не знает, что ты женат.

Никола одарил друга тяжелым взглядом и обернулся к писарю.

– Антип, от души тебя прошу, присмотри за этим красавцем, – он развернул ткань на подносе, обнаруживая внутри расшитый бисером кошель. – Я за Максимом. Пора и нам к бею с подарками идти. А то ведь это уже третий поднос с утра.

Наше время

Кора сладко потянулась, открывая глаза. Давно она не чувствовала себя так хорошо с утра. Женщина посмотрела на правую сторону кровати. Там было привычно пусто. А что она ожидала? Все-таки вовремя подготовленные документы – хорошая вещь. Если их отношения рухнули, то, по крайней мере, сын не пострадает от бесконечных ссор и склок. А уж она постарается сохранить с бывшим мужем хорошие отношения.

Кора надела халат и вышла в утреннюю свежесть, прихватив зубную щетку и пасту. Умывальник, насколько она помнила, был недалеко от душевой. На веранде, склонившись над маленьким столиком, рисовал Петр. Его счастливая папка с альбомными листами была завалена десятком легких набросков. На них вставляли на дыбы лошади. Казаки неслись вскачь по степи, размахивали шашками, прицеливались из необычных ружей с длинными стволами.

– Доброе утро. Давно работаешь? – Кора перекинула через плечо полотенце.

– Как рассвело встал, – не отрываясь от рисунка ответил Петр, – тут с утра шум поднялся. Стройка у них что-ли? Не смог заснуть. Тем более, что мыслей полно.

– Стройка? – Кора огляделась и пожала с плечами. Два домика рядом с ними зияли выбитыми окнами и дверьми. Складывалось впечатление, что строители не разбирали их, а штурмовали подручными средствами. – Странно, что я ничего не слышала. Спала как убитая. Хотя они вполне могли бы заняться этим днем, – покачала она головой и обернулась.

Под карандашом у Петра оживал нестарый еще казак. Чуб, высовывающийся из под кубанки, не мог прикрыть сдвинутые в раздумьях брови. Лихие усы делали видной лишь нижнюю полную губу. Мужчина на рисунке держал перед собой меч, словно размышляя как с ним поступить.

– Персонаж классный, – нагнулась Кора. – А меч нереальный. Средневековый какой-то. У казаков ведь были шашки.

– Ага, и еще сабли, – согласился Петр. – Только именно этот меч мне вчера показывал дед из музея. А в старой книжке, рассказывается о том, как конвой казаков вез его через Кубань.

– Думаю, это не более, чем легенда, – сказала Кора.

– Я тоже. Вот только меч выглядит как настоящий. Слушай, а ты ноутбук брала? У тебя ведь лэп-топ. Может в интернете поискать что-то по поводу меча?

– Брала, – спокойно сказала Кора, спускаясь по ступенькам веранды. – Но он здесь, как и сотовый, не работает.

1840-й год

Никола задумчиво держал в руках меч, решая непростую проблему.

– Я того, готов, – подал голос Максим, распаковавший все сумки с подарками. Только одному мне это не унести.

– Кликни Грицко и писаря сюда, – приказал Никола.

Здоровый казак через минуту ввалился в саклю.

– Снимай саблю, – приказал Андрею Никола.

– За что, господин помощник атамана? Я ж той девке и пары слов не сказал.

– Грицко, выполняй приказ, – рявкнул на него Никола.

Казак хмуро отстегнул ремень.

– Вот, – помощник атамана протянул ему меч. – Будешь носить и беречь. Как зеницу ока. Он тебе и по росту, кстати, в самый раз. И не смотри на меня бараньими глазами. Не лежит у меня сердце ценный груз без присмотра оставлять. А в футляре таскать – еще за подарок для бея примут: как выкрутимся?

Никола быстро вытащил из ножен саблю и засунул ее в футляр вместо меча. Потом аккуратно поставил его в угол и закидал сверху шкурами, разбросанными по сакле.

– Так, теперь подарки делим на троих: писаря, Максима и меня. Подносим бею. Я речь толкну. А ты, Грицко, держись рядом, но не на виду. Будешь у нас вроде охраны. И меч на показ не выставляй. Свиткой его прикрой, что ли.

Был теплый день. Возможно, именно поэтому бей устроил прием гостей по случаю свадьбы одного из своих сыновей во дворе у дома. Все пространство перед ним было застелено коврами. Низенькие столики, груженные едой, в сложном порядке теснились вокруг невысокого подиума, на котором с почетом расположился князь. Было очевидно, что гости с подарками прибывают не один день. Все подношения красиво расставленные расположились по правую руку от бея.

– Добро пожаловать, гости дорогие, – махнул он им и приподнялся, делая несколько шагов вперед. Гости затихли, внимательно глядя на подошедших. Было очевидно, что они пользуются особым расположением хозяина.

– Хорошо ли вас разместили? Получали ли мои подарки? – улыбаясь, спросил седой смуглый мужчина.

– Получили. Спасибо тебе за щедрость и приют, – кивнул Никола. – Позволь и нам в ответ преподнести тебе дары с благими пожеланиями и в благодарность за гостеприимство.

Казачи положили на ковер перед князем пару штук сукна, упряжь явно арабской выделки и почти целый набор заводской посуды с клеймом самого Петербургского завода.

Бей, кивая и цокая языком, внимательно осмотрел подарки.

– Чего ты все крутишься, – писарь в полголоса шикнул на Грицко, наступившего ему на больную ногу.

– Дак, если это свадьба, то где ж невеста? – свистящим шепотом ответил Андрюха, продолжая тянуть шею.

Писарь хотел выругаться, но тут Никола начал речь, суть ее сводилась к тому, что б бей был здоров, богат, а сын принес ему много наследников и так далее и тому подобное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/epatko_margarita/uschel-e

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)